

«Дружба Советского Союза и Франции – это ценное достояние народов наших стран, мы призваны крепить и развивать ее. Этим руководствуются Коммунистическая партия Советского Союза, наше правительство, весь советский народ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

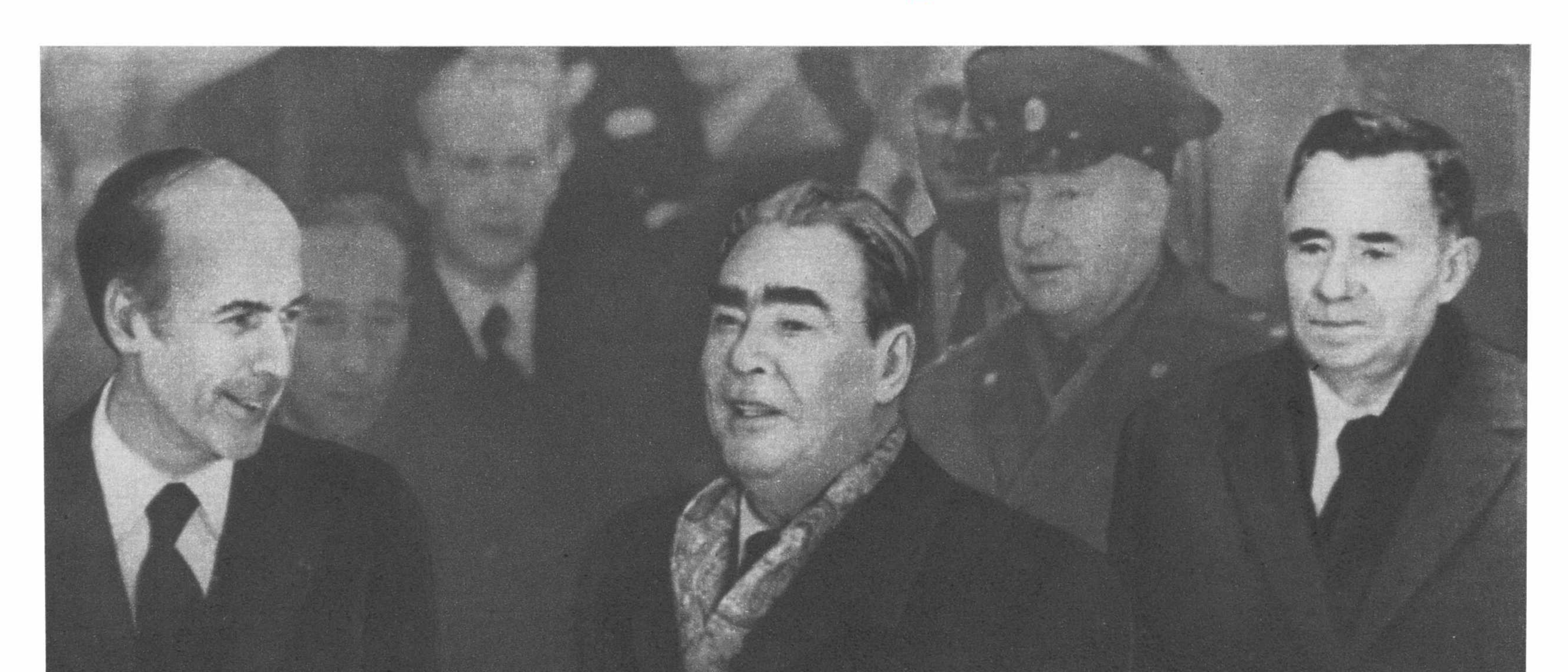
Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2476)

14 ДЕКАБРЯ 1974.

Подписание Соглашения об экономическом сотрудничестве.

СССР-ФРАНЦИЯ: ВЗАИМ

ОПОНИМАНИЕ И СОГЛАСИЕ

По приглашению Президента Французской Республики В. Жискар д'Эстэна Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев совершил с 4 по 7 декабря 1974 года рабочий визит во Францию.

В беседах, которые проходили в Рамбуйе, участвовали:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли Н. С. Патоличев, заведующий отделом ЦК КПСС П. А. Абрасимов, посол СССР во Франции С. В. Червоненко, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС В. В. Загладин и другие официальные лица;

с французской стороны — министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг, министр экономики и финансов Ж.-П. Фуркад, государственный секретарь по внешней торговле Н. Сегар и другие официальные лица.

Встреча была проникнута духом дружбы и взаимопонимания, характерным для отношений между Советским Союзом и Францией, и подтвердила преемственность политики согласия и сотрудничества между обеими странами, которая является одной из основных составных частей их внешней политики и важным постоянным фактором углубления разрядки в мире и упрочения международной безопасности.

Стороны уделили особое внимание развитию обстановки в Европе. Они выразили удовлетворение тем, что улучшение отношений между странами Востока и Запада континента расширяет возможности Европы вносить вклад в международную разрядку. СССР и Франция, со своей стороны, будут прилагать активные усилия, чтобы благоприятствовать такому развитию и поощрять его.

Предметом углубленного рассмотрения явился ход работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Обе стороны вновь подчеркнули большое значение, которое они придают этому совещанию, представляющему собой важнейшее звено процесса дальнейшей разрядки в Европе. Они считают, что успех совещания будет способствовать дальнейшему упрочению мира в Европе и во всем мире. Они констатировали, что созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для

◀ Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в аэропорту Орли.

Фото специального корреспондента «Правды» В. Воронина.

Перед началом переговоров.

проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне.

В беседах было также подвергнуто обсуждению положение на Ближнем Востоке. Советский Союз и Франция считают, что справедливое и прочное мирное урегулирование немыслимо без вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году территорий, учета законных прав палестинского народа, признания права каждого из государств района жить в безопасных и признанных границах.

Стороны заявили, что целью их усилий в области разоружения является достижение всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем, важнейшей частью которого является ядерное разоружение. В этом духе СССР и Франция по-прежнему выступают за созыв Всемирной конференции по разоружению, имея в виду, что эта конференция может внести крупный вклад в дело избавления человечества от бремени вооружений.

Стороны вновь заявили, что придают важнейшее значение развитию двусторонних отношений между СССР и Францией. Они подчеркнули, в частности, намерение продолжать регулярные политические консультации по мировым проблемам и отметили, что их проведение на всех уровнях, в особенности на высшем уровне, является постоянным элементом советско-французского сотрудничества.

Специальное внимание было уделено рассмотрению экономических связей, составляющих одну из существенных основ отношений между обеими странами.

В целях обеспечения упрочения и расширения взаимовыгодного сотрудничества Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент Франции подписали 6 декабря 1974 года Соглашение об экономическом сотрудничестве на период 1975—1979 годы. Также было подписано кредитное соглашение, которое обеспечивает финансирование наиболее важных проектов экономического сотрудничества, подлежащих реализации в предстоящем пятилетии.

ТЕПЛЫЕ ДНИ ДЕКАБРЯ

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию совпал по времени с весьма символической круглой датой: ровно тридцать лет назад, в ноябре — декабре 1944 года, французская правительственная делегация во главе с генералом де Голлем посетила Советский Союз.

Много воды утекло с тех пор, многое изменилось на нашей планете. Но сохранилась и упрочилась основная тенденция развития советско-французских отношений в духе дружбы и сотрудничества. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин заявил о желательности сближения с Францией как в политической, так и в экономической областях. Сегодня, в период разрядки международной напряженности, советско-французские отношения являют собой убедительный пример конкретного воплощения принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В канун визита Л. И. Брежнева во Францию, в октябре этого года, исполнилось пятьдесят лет со дня установления дипломатических отношений между нашими двумя странами. Полвека — срок немалый, особенно в наше бурное двадцатое столетие. За эти пять десятилетий в советско-французских отношениях были не только светлые периоды. Есть и сегодня вопросы, требующие решения, есть и определенные сложности, которые предстоит преодолевать. Но в конечном итоге силу все больше набирала и набирает тенденция к сотрудничеству. С особой эффективностью она стала проявляться с середины 60-х годов. Именно тогда была заложена база советско-французского сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

В политической сфере эти отношения были скреплены такими документами, как Принципы сотрудничества между СССР и Францией (1971 год) и Советско-французский протокол о политических консультациях (1970 год). О темпах и глубине развития сотрудничества говорят состоявшиеся беседы и встречи на высшем уровне. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент Франции Ж. Помпиду встречались в 1970, 1971, дважды в 1973 и 1974 годах. Закономерным продолжением советско-французского диалога на высшем уровне стала встреча Л. И. Брежнева с В. Жискар д'Эстэном, который, заняв пост президента республики, заявил о курсе на последовательность и преемственность политики сотрудничества с Советским Союзом.

Каждая истина конкретна. Сколько ее ни утверждай, без примеров она не обретет убедительной силы. Вот только один из них. В дни визита Л. И. Брежнева во Францию завершалась работа по устройству советско-французской выставки, посвященной 50-летию установления дипломатических отношений между нашими странами. Мне и двум моим коллегам-журналистам посчастливилось познакомиться с экспозицией в ее еще не завершенном виде. И именно этой ее незавершенностью можно объяснить то особенно сильное впечатление, которое произвела она на нас. Еще не запрятанные под толстое витринное стекло, еще не поставленные на постаменты, еще не разве-

Проводы в аэропорту Орли.

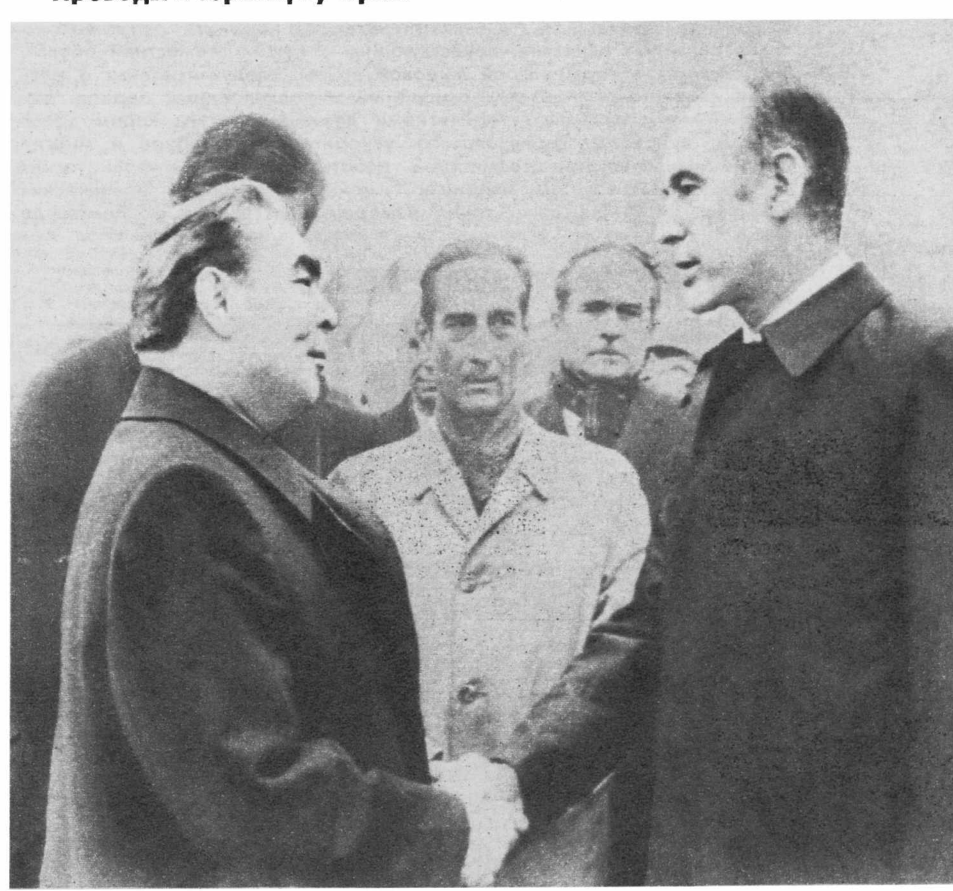

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Руководствуясь Принципами сотрудничества между СССР и Францией, стороны заявили о своем общем стремлении к дальнейшему расширению взаимных культурных обменов.

Было подтверждено важное значение, которое стороны придают дальнейшему развитию научно-технического сотрудничества.

Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент Франции выразили удовлетворение состоявшимся обменом мнениями и дружественной обстановкой, в которой проходили беседы. Они единодушно отметили необходимость продолжения рабочих встреч.

По окончании переговоров Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент Франции В. Жискар д'Эстэн подписали Советско-французское коммюнике.

6 декабря в Париже Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел беседу с Генеральным секретарем Французской коммунистической партии Жоржем Марше. Беседа прошла в обстановке сердечной дружбы, солидарности, полного взаимопонимания.

Во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Французской коммунистической партии Жоржем Марше.

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

шанные по стенам экспонаты можно было рассматривать вблизи, даже прикасаться к ним, перелистывать пожелтевшие страницы, на которых вновь оживает сама история. Советский Союз и Франция предоставили для этой выставки оригиналы редчайших документов об отношениях между нашими странами, бесценные книжные издания, шедевры живописи и скульптуры. Устроители выставки не без гордости продемонстрировали нам Евангелие XI века. Оно принадлежало Анне Ярославовне, дочери Ярослава Мудрого, которая стала женой французского короля Генриха I. Документы о давних связях Франции с Россией, подлинники грамот и писем с подписями и печатями Ивана Грозного, Петра Первого, Екатерины Второй... Первые издания французских книг в России и русских — во Франции.

В тесном переплетении событий, имен, шедевров литературы и искусства видишь, как глубоки корни, связывающие историю и культуру обеих стран. Высказывания великих французов и русских с особой силой звучат со страниц экспонатов этой необыкновенной выставки. Октав Мирбо пишет Л. Толстому: «Кое-кто из гордых писателей моей родины заявлял, что Вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в Вас питомца французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама Ваша должница,— Вы возбудили в ее многовековом гении новую жизнь». Те же мысли развивает Эмиль Золя: «Посланцами мира и предвестниками прочных союзов служат произведения великих писателей, которыми обмениваются народы... Французская литература отправила в качестве послов Бальзака и Гюго, а русская литература ответила на это присылкой своих — Тургенева, Достоевского, Толстого».

Здесь, на этой выставке, древние русские иконы соседствуют со старинными французскими гобеленами, Ломоносов встречается с Руссо, Репин — с Гогеном, Кустодиев — с Матиссом... Лежат письма Вольтера к Кантемиру, Тургенева к Флоберу, Мериме, Золя, Мопассану. Горький и Франция, Маяковский и Франция — этим темам тоже посвящено немало экспонатов.

Есть на выставке раздел, рассказывающий о жизни и деятельности В. И. Ленина во Франции. Эти великие страницы истории Франция знает, помнит и чтит. Патриоты Франции, друзья нашей страны, свято сохраняют все, что связано здесь с пребыванием и работой Владимира Ильича.

За разделом выставки, повествующим о нашей совместной борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны, следует рассказ о развитии советско-французских отношений в послевоенный период. Наряду с уже ставшими историческими документами мы видим здесь модели лунохода, серпуховского ускорителя, турбобура и многие другие свидетельства совместной работы советских и французских специалистов. Ведь это, например, именно с помощью французских лазерных устройств были точно измерены расстояния от Земли до Луны.

Ступив на землю Франции, Леонид Ильич Брежнев сказал в беседе с журналистами в аэропорту Орли: «Мы приехали с хорошим настроением и надеемся, что переговоры с Президентом Франции В. Жискар д'Эстэном будут у нас хорошими».

На другой день после прибытия Л. И. Брежнева во Францию начались переговоры на высшем уровне. Они проходили в резиденции Л. И. Брежнева, старинном замке Рамбуйе, в часе езды от Парижа. Утром, в день начала переговоров, у ворот замка плавно приземлился на зеленом, аккуратно подстриженном газоне белый миниатюрный вертолет Президента Франции. Жискар д'Эстэн быстро пересек двор, пройдя сквозь строй телеобъективов, уставившихся на него через решетчатую ограду замка.

Народы наших стран, мировая общественность с весьма обоснованной надеждой ждали, что начавшиеся переговоры еще больше расчистят международный небосклон, и, как бы укрепляя эти надежды, солнце в то утро вдруг пробилось через декабрьские тучи. И в декабре здесь было тепло.

Весь ход прошедшей встречи, много связанных с ней конкретных крупных и мелких деталей еще и еще раз подтвердили, что развитие советско-французских отношений строится на прочном фундаменте, что у нас было, есть и будет немало общих интересов и сфер сотрудничества. Вот, скажем, пример из работы в Рамбуйе журналистов (их собралось там более трехсот). Им была отдана городская мэрия. В самом большом ее зале был создан пресс-центр. Там регулярно общались с корреспондентами, рассказывали им о ходе переговоров советский и французский представители Л. Замятин и К. Гуйу-Бошан. Так вот со стен этого зала, из своих золоченых рам, удивленно взирали на пеструю многоязыкую толпу журналистов графы и маркизы, но на тех же стенах было и два длинных списка имен: первый — погибшие в войне 1914—1918 годов, второй—в 1939—1945 годах. Эти имена жертв войны не могли не броситься в глаза корреспондентам, собравшимся по случаю встречи, служащей прежде всего делу мира. И не случайно в дни встречи мои коллеги, говоря о совместной борьбе двух наших народов против фашизма, вспоминали слова де Голля о том, что «французы знают, что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении». Так говорил Президент Франции в 1944 году. В 1974 году Президент Франции сказал, что советско-французское сотрудничество «диктуется общностью наших интересов и сознанием ответственности, которую каждая из наших стран несет перед миром в Европе и во всем мире».

В день завершения переговоров десятки корреспондентов с фотоаппаратами и блокнотами в руках со свойственной их профессии энергичностью устремляются в зал, где подписываются заключительные документы. Жискар д'Эстэн шутливо восклицает, обращаясь к ним: «По-

Встреча на Внуковском аэродроме.

стойте! Постойте! Это же мы, а не вы сейчас будем подписывать документы».

И вот уже поставлены подписи, перевернута еще одна страница современной истории. Возлагавшиеся на встречу надежды полностью оправдались.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстэн перед отлетом Л. И. Брежнева в Москву имели беседу с советскими и французскими журналистами. Мы прибыли во Францию, сказал Л. И. Брежнев, с добрыми намерениями и уезжаем с полным удовлетворением результатами проделанной работы. Могу сказать, что переговоры были хорошими и плодотворными. Это были реалистические и конструктивные переговоры. Они проходили в духе взаимопонимания, согласия и сотрудничества.

В течение трех дней Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и я вели очень полезные переговоры, сказал, обращаясь к журналистам, Президент Франции Жискар д'Эстэн.

Я убежден, сказал он далее, что визит Л. И. Брежнева не только укрепил сотрудничество между Советским Союзом и Францией, но и придал этому сотрудничеству новый размах в интересах наших двух стран, в интересах дела мира.

Да, результаты встречи говорят сами за себя! Недаром в советско-французском коммюнике отмечается, что она «была проникнута духом дружбы и взаимопонимания, характерным для отношений между Советским Союзом и Францией». Во время переговоров был плодотворно и углубленно рассмотрен ход Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Обсуждалось также положение на Ближнем Востоке. Ситуация на Кипре, положение в Индокитае, созыв Всемирной конференции по разоружению, важность роли Организации Объединенных Наций — по всем этим проблемам, обсуждавшимся в ходе встречи, высказана в советско-французском коммюнике согласованная точка зрения ее участников.

Одну из существенных основ отношений между Советским Союзом и Францией составляют экономические связи. В целях их дальнейшего успешного развития и было подписано Соглашение об экономическом сотрудничестве на период 1975—1979 годов. За это пятилетие предполагается удвоить товарооборот между нашими странами по сравнению с предшествующим пятилетним периодом. Конкретные дела в области экономического сотрудничества, названные в итоговых документах встречи, говорят сами за себя. Их реальность и крупномасштабность еще и еще раз демонстрируют эффективность советско-французского сотрудничества. Недаром мы уже несколько дней подряд читаем в мировой прессе о том, как высоко оцениваются итоги этой встречи. Особенно подчеркивается то обстоятельство, что советские руководители уже встречались с новыми руководителями ФРГ и США — канцлером Г. Шмидтом и президентом Дж. Фордом; после этой встречи в Рамбуйе еще четче вырисовывается преемственность политики разрядки и сотрудничества между странами с разными социальными системами. «Результаты переговоров в Рамбуйе, так же как результаты встречи в районе Владивостока,— подчеркивает болгарская газета «Работническо дело»,— новое яркое подтверждение правильности и жизненности Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС».

«Новые советско-французские соглашения значительно превосходят все прежние документы в смысле развития связей между двумя странами»,— пишет «Нью-Йорк таймс». «Вне всякого сомнения,— указывает другая американская газета, «Балтимор сан»,— встреча двух руководителей была успешной. Участники переговоров достигли согласия по всем основным вопросам». Газета выделяет слова президента Франции о том, что Л. И. Брежнев придал переговорам очень откровенный и очень позитивный характер, что позволило обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес, и прийти к согласованным решениям».

В Сообщении «Об итогах рабочей встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстэном» говорится:

«Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, рассмотрев итоги рабочей встречи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстэном, целиком и полностью одобряют деятельность товарища Л. И. Брежнева и выражают удовлетворение достигнутыми в Рамбуйе соглашениями и договоренностями...

Политика согласия и сотрудничества между Советским Союзом и Францией находит широкую поддержку у трудящихся обеих стран».

У дерева советско-французской дружбы крепкие, глубокие корни. Поэтому так жизнеутверждающе и зеленеет его крона.

Париж—Москва, декабрь.

Фото А. Гостева.

8 декабря 1974 года после успешного завершения программы работ на борту корабля «Союз-16» космонавты Анатолий Васильевич Филипченко и Николай Николаевич Рукавишников возвратились на Землю.
Телефото А. Пушкарева (ТАСС).

ПОЛЕТ ЗАВЕРШЕН, К ПОЛЕТУ ГОТОВЫ!

Закончился шестисуточный полет корабля «Союз-16». Ровно семь месяцев осталось до старта советского и американского космических кораблей, которые будут работать по совместной программе.

Экипаж «Союза-16» — Анатолий Васильевич Филипченко и Николай Николаевич Рукавишников — уже полтора года занимается подготовкой к полету кораблей «Союз» и «Аполлон». Не случайно журналисты окрестили их полет «репетицией» главного космического старта 1975 года.

Одной из важных задач советско-американского эксперимента является осуществление стыковки космических кораблей на орбите. Эта операция связана со значительными трудностями, ведь «Союз» будет стартовать с космодрома Байконур, а «Аполлон» — с мыса Канаверал, расположенного много южнее.

Мы попросили прокомментировать результаты работы экипажа «Союза-16» специалистов разных направлений.

В зале управления полетом постоянно находился известный летчик-космонавт Валерий Николаевич Кубасов. Именно он вместе с Алексеем Архиповичем Леоновым готовится принять участие в первом экипаже будущего советско-американского совместного полета. Валерий Николаевич, внимательно следивший за всем ходом работы «Союза-16», очень высоко оценивает его результаты.

— Анатолий Филипченко и Николай Рукавишников успешно провели испытания модернизированных систем корабля «Союз», аналогичного тому, на котором будет совершен полет в 1975 году. Среди всех проверочных экспериментов можно отметить многократные испытания на всех режимах стыковочного агрегата и его автоматики. Эти работы дали много информации, и мы довольны результатами полета,— говорит он.

Как известно, в будущем эксперименте в космосе, помимо стыковки и переходов экипажей из корабля в корабль, много времени отведено совместным научным работам. Некоторые из них были полностью отрепетированы Анатолием Филипченко и Николаем Рукавишниковым. О научных задачах, стоявших перед экипажем, мы попросили рассказать одного из руководителей проведения медико-биологических экспериментов на корабле, кандидата биологических наук Александра Камина.

— Несколько медико-биологических экспериментов, выполненных экипажем, включены в программу предстоящего совместного полета,— отвечает ученый-биолог.— Например, один из них посвящен исследованию микробного обмена между членами экипажа и будет представлять большой интерес в будущем полете, когда экипажи «Союза» и «Аполлона» перейдут в соседний корабль в гости друг к другу.

Другой связан с изучением развития зонообразующих грибков в условиях невесомости и воздействия космических частиц высоких энергий. В совместном полете он найдет дальнейшее развитие. Интервал между стартами «Союза» и «Аполлона» составит семь часов, и, естественно, биологический ритм подопытных грибков на том и другом корабле также будет смещен. Сравнение роста грибков в этих условиях очень интересует ученых. Наряду с научными результатами, полученными космонавтами, нам удалось еще раз уточнить методику проведения этих экспериментов.

Но главной задачей полета являлось испытание техники. Под пристальным вниманием находились все действия экипажа, оценивалась степень отработанности программы работ космонавтов. И в этом наземным специалистам существенно помог слаженный экипаж корабля.

Заместитель сменного руководителя полета по связи с экипажем космонавт В. А. Джанибеков так оценивает работу космонавтов:

— Мне приходилось ежедневно бывать на радиосвязи с Анатолием Филипченко и Николаем Рукавишниковым. Могу сказать, что мы хорошо понимали друг друга. Экипаж очень тщательно подготовился к полету, выполнял все эксперименты строго по программе. Вы, вероятно, не раз видели в телевизионных репортажах с борта корабля, как спокойны и деловиты были Анатолий Васильевич и Николай Николаевич. Поэтому и нам было легко с ними работать.

Полет «Союза-16» испытательный, тренировочный, во многом схожий с предстоящим в следующем году советско-американским полетом. Поэтому его итоги, естественно, рассматриваются и оцениваются сквозь призму будущих важных, интересующих всех совместных работ двух стран. Подготовка к ним касается не только испытаний космических кораблей и тренировок экипажей. Пожалуй, в первую очередь успех сложного эксперимента в космосе определяется четкой, слаженной работой всех специалистов наземных служб.

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Их так и прозвали — «огоньковская десятка»,— победителей конкурса «Моя встреча с Польшей», совершивших недавно в составе поезда дружбы путешествие в Польскую Народную Республику. С пассажирами этого поезда — их было триста человек, знатные люди из разных республик, Герои Социалистического Труда — перезнакомилась благодаря польским газетам, радио и телевидению почти вся страна. И наша «десятка» в полной мере ощутила тепло дружеских объятий.

Всего четыре города — Варшава, Познань, Катовице, Краков,— а сколько интересных знакомств и встреч! Но, кроме предусмотренных программой, у каждого из победителей конкурса была своя встреча с Польшей, та, ради которой он прислал в редакцию работу об этой стране.

Вот рассказ о некоторых из этих встреч.

ПОМНИШЬ МЕНЯ, ЯЦЕК!

Наташа вошла под темные своды костела Святого Креста. Стараясь ступать неслышно, подошла поближе к тому месту, где за мраморной плитой покоится сердце Шопена. «Неужели это правда? Я здесь, в Польше, в Варшаве!» — подумала девушка. За спиной скрипнула деревянная скамья. Невольно обернулась: какой-то молодой человек опустился на скамью недалеко от нее. Она узнала его сразу. Как? Сама не знает. Но заговорить не решалась. Вдруг все-таки не он? Молодой человек поднялся, двинулся к выходу. И тут Наташа решилась.

— Простите, пожалуйста, вы жили в Калинине? — обратилась она, мешая польские и русские слова.

— Да.— Он недоуменно взглянул на девушку.

— А сестра у вас есть?

— Да.

— Ее зовут Гражина?

— Да.

— А я Наташа. Наташа! Неужели не помните меня? Ведь вы Яцек, правда?

— Правда, но простите, я не могу вас вспомнить.

— Ну как же? Помните, мы вместе упали с качелей у нас во дворе, у вас должен быть маленький шрам вот здесь, за ухом.

Тут наконец он вспомнил. И качели, и двор, и квартиру на тихой улице в Калинине, где пятнадцать лет назад жила семья Рыбарских — Яцек и Гражина с родителями. Отец тогда учился в Калинине, дети ходили в русскую школу. В одном классе с Гражиной училась Наташа Бобовникова — девочка из соседней квартиры. Польская семья вернулась на родину, и девочки стали переписываться.

— Как жаль, что сестры сейчас нет в Варшаве,— сокрушался Яцек.— Она улетела во Францию с группой туристов, ведь Гражина работает гидом в «Орбисе».

— А я приехала в Польшу по путевке «Орбиса»,— объяснила Наташа.— Журнал «Огонек» устроил конкурс. Я прислала большой альбом. Рассказала, что на Калининском полиграфическом комбинате, где я работаю, печатаются учебники для польских ребятишек и журнал «Польша». И про вас с Гражиной тоже написала. Теперь я здесь вместе с лауреатами конкурса. Вот уж не думала, что в этом костеле встречу тебя...

А теперь рассказ еще об одной встрече. Это будет совсем другая история. И когда она начиналась, героя ее звали Толька-Валет.

СНОВА НА ВИСЛЕ

В редакции журнала «Пшиязнь» мне сказали: «Тут есть одно письмо из города Глогув, от нашей читательницы Александры Гжеговяк. Она пишет, что узнала о приезде в Польшу группы лауреатов конкурса «Огонька». Среди них ее знакомый, с которым она хотела бы встретиться. Только фамилию его не указала. Посмотрите, вот это письмо».

Я прочитала его.

— Постойте. Кажется, я знаю, кого ищет ваша читательница. Анатолия Васильевича Куделина — директора горного техникума из заполярного города Кировска. Это ведь он минувшим летом был в гостях у глогувского горняка Владека Гжеговяка.

— Мы сообщим в Глогув маршрут поездки лауреатов конкурса и поможем друзьям встретиться,— предложил главный редактор журнала Доброслав Попшечко.

Несколько дней спустя, уже в Познани, Анатолий Васильевич сказал мне:

— Знаете, сегодня я встретился со своими. Приехали сюда из Глогува.— Он так и говорит «со своими», словно знает эту семью давным-давно. А познакомились они минувшим летом, в дни праздника 30-летия народной Польши.

— Меня как участника освобождения страны пригласили в гости совершенно незнакомые люди — Владек и Александра Гжеговяк, которые получили мой адрес в Комитете ветеранов войны,— рассказал Куделин.— Он мой коллега, горняк, работает на медном руднике близ Глогува. Мы крепко подружились. Теперь Владек с женой обязательно приедут к нам в Кировск.

Это была вторая встреча Куделина с Польшей. А во время первой в сорок четвертом Анатолию Васильевичу было столько лет, сколько сейчас его ученикам,— всего семнадцать. У него на груди орден Красной Звезды, полученный за форсирование Вислы, где он был ранен. Вот как это случилось.

— Я бы так и остался навеки лежать в польской земле, если бы не военврач Тамара Ивановна Маркушева,— вспоминает Анатолий Васильевич.

...13 августа 1944 года мы вели бой на Сандомирском плацдарме. Я из своего пулемета стрелял по «тигру». Первую ленту выпустил, а пока перезаряжал, танк развернулся да как даст по моему пулемету! Больше уж ничего не помню. Меня сочли убитым и сбросили в груду мертвецов. Здесь и нашла меня три дня спустя военврач, едва живого. «Ну,—говорит,— и силен ты, парень! Подумать только: за пазухой граната да еще две у пояса! И жив».

На американской амфибии меня переправили на правый берег Вислы, в медсанбат. Подлечили. Так что я успел еще повоевать. Варшаву освобождал, Лодзь, Познань, Костшин. Кончил войну, как положено, в Берлине. Со спасительницей своей Тамарой Ивановной я встретился в 1970 году в Волгограде, когда собирались там однополчане. Я ее сразу узнал, хоть годы и сильно ее изменили. А она долго вглядывалась, не верила своим глазам. «Неужели,— говорит,— Валет, это ты?» «Так точно, товарищ военврач,— отвечаю я,— Толька-Валет»,— так меня прозвали в полку, потому что самым младшим был.

КОВЫЛЬ-ТРАВА

Когда на вокзале в Познани по радио объявили, что поезд из Гданьска опаздывает на час, мы, к сожалению, этого не поняли и продолжали ждать на пустом перроне.

Вместе с лауреатом конкурса Николаем Вознюком, токарем китобазы «Дальний Восток», мы встречали Антонину Гуговну Лобачеву. Общество польско-советской дружбы, узнав, что среди нашей десятки находится мать советского воина, погибшего в Польше, устроило ей поездку в Гданьское воеводство на могилу сына. Ждем мы нашу Антонину Гуговну, а поезд все не приходит.

— Ну что, идем в справочное бюро? Только учти: придется объясняться по-польски,— говорю Николаю.

— Объяснимся в лучшем виде,— отвечает он и вытаскивает из кармана русско-польский разговорник. С ним Николай не разлучался во время всей поездки.

— Откуда он у тебя?

— Во Владивостоке купил. По-польски я немного понимал еще с детства, когда жил в Гродно. Часто смотрел тогда по телевизору польские передачи. Начал понемножечку читать, но без учебника и словаря было трудновато. А потом купил учебник, и дело пошло. Теперь читаю польские журналы, газеты. Это мне и помогло ответить на вопросы конкурса. Ведь номер «Огонька» с условиями конкурса я получил, когда находился в плавании, недалеко от Сан-Франциско.

— Ну что ж, показывай, как обстоят дела с разговорной практикой.

У справочного окошка Николай успешно «выдержал экзамен». Вот наконец и Антонина Гуговна. Николай подхватил чемодан, и через 10 минут мы уже были дома — в гостинице «Полонез». Здесь я и записала ее рассказ об этой поездке.

— Жуковское оказалось небольшим поселком под Гданьском. На взгорке, как раз напротив лицея, военное кладбище. Тут похоронено 3 479 человек. И только три имени известно. Одно из них — имя моего Владика. Опустилась я на колени у могилы, ничего вокруг не вижу, слезы застилают глаза. Взяла горсточку земли. И травку на могилу положила — ковыль. Дома у меня стоит букетик этого ковыля. Его сын привез из пионерлагеря, где был вожатым в последнее предвоенное лето. Вот половину букетика я и захватила с собой. Разбросала по всей братской могиле — чтобы каждому, кто здесь лежит, пришлось хоть по

стебельку от матери. Ведь все они наши сыновья...

Потом пошли в лицей. Да, я забыла сказать, что директор и ребята из этого лицея — они ухаживают за кладбищем — были вместе со мной. Директор попросил у меня адрес школы, которую окончил мой сын,— это школа № 43 в Москве, на Сущевской улице. И еще я им дала адрес школы № 21 в Риге, где учится мой внук, тоже Владислав. Он спортсмен, влюблен в польского велосипедиста Шурковского. Когда я сказала об этом, поляки просто расцвели.

Потом мы поехали в маленькую деревушку — Чешово называется. Именно здесь был бой, в котором погиб мой Владик. В Чешове мы встретили двух пожилых крестьян. Оказалось, они помнят тот самый бой. Дуб они нам показали, возле которого отстреливались советские пулеметчики. Сын был стрелком-радистом в танке. «Да, да, мы видели, как здесь горели советские танки»,— закивал в ответ один из крестьян...

Очень прошу через «Огонек» поблагодарить всех милых, сердечных людей из Гданьского отделения Общества польско-советской дружбы, военкома города, директора лицея и всех его учеников за то, что хранят память о наших сыновьях. Спасибо, что дали мне изведать это, пусть горькое, счастье — поклониться могиле сына.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Сердечно благодарю редакцию «Огонька», посольство ПНР в СССР, товарищей из «Орбиса» за предоставленную возможность посетить Польшу в числе лауреатов конкурса.

Эта поездка останется светлым воспоминанием на всю жизнь. Многое мы увидели, много пережили счастливых и волнующих минут. Но, главное, мне удалось сделать все, чтобы увековечить память моего однополчанина Героя Советского Союза Д. С. Нагуманова, павшего смертью храбрых под Варшавой в октябре 1944 года. Ради этого я и принял участие в конкурсе. Очень рад, что съездил не зря».

Это письмо пришло в «Огонек» из Киева от Всеволода Степановича Королева. Тридцать лет прошло, и вот он снова ступил на польскую землю, где воевал, где проливали кровь и погибали его друзья и товарищи.

...В июне 41-го года лейтенант Королев, с отличием окончивший в Киеве военное училище, ехал в отпуск к отцу в Сталинград. Известие о нападении Гитлера услышал в поезде. Здесь, у Сталинграда, начался его боевой путь. А последнюю точку на этом пути полковник Королев поставил в Берлине.

Танковый полк, в штабе которого служил Королев, участвовал в прорыве гитлеровской обороны западнее Ковеля.

— В ходе наступления наши танки первыми на этом участке вышли на границу с Польшей,— вспоминает Всеволод Степанович.— 22 июля 1944 года освободили Хелм, потом Люблин. Затем Седлеце, Серотцк, Наревский плацдарм. Особенно запомнился бой у Яблоно-Легионово. Это северо-восточнее Варшавы. Фашисты бросили в контратаку свои танки. Наши дрались отчаянно. Старший лейтенант Нагуманов подбил три «тигра». У него кончились боеприпасы, когда он увидел, что фашист наводит пушку на машину командира роты. Танк Нагуманова загорелся. Тогда он приказал экипажу покинуть машину, сел на место механика-водителя и пошел на таран фашистского «тигра». Так погиб 22-летний старший лейтенант Нагуманов. Это было 13 октября 1944 года. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза, — закончил свой рассказ Всеволод Степанович.

...А мне остается добавить, что сам Всеволод Степанович — кавалер пяти орденов и девяти медалей. Здесь к ним прибавилась еще одна награда — польская медаль за участие в освобождении города Познани, которую вручил В. С. Королеву секретарь Познанского воеводского комитета ПОРП товарищ Богдан Гавроньский.

ВОТ ЭТА УЛИЦА, ВОТ ЭТОТ ДОМ

Улица Раковецкая не значится в путеводителе по Варшаве: никаких туристских достопримечательностей там нет.

— Но я обязательно должна побывать на этой улице,— настаивает инженер-химик из Ленинграда Надежда Николаевна Моногарова.— Я жила на этой улице почти двадцать лет назад.

И Надежда Николаевна рассказала мне, что ее отец во время войны был офицером связи в Войске Польском, а в начале 50-х годов его направили в Гдыню, где он помогал нашим друзьям восстанавливать польский флот.

— Родители жили в Гдыне, на улице Бема. Наша семья очень подружилась с соседями по дому — Тадеушем и Халиной Хоросевич. До сих пор переписываемся. Я опустила им открытку сразу же, как только приехала в Варшаву. Очень хочется встретиться,— говорит Надя.— А я жила и училась тогда в интернате в Варшаве, на улице Раковецкой. Давайте совершим путешествие на улицу моего детства, интересно найти тот дом.

И мы отправились. Моросил дождь. Быстро темнело, но осенняя мгла была бессильна поглотить яркие огни Маршалковской, которые двоились и множились на мокром асфальте.

Вот площадь Конституции с красивыми, точно огромные канделябры, фонарями, потом площадь Спасителя, где-то дальше, направо, должна быть улица Раковецкая. Надя торопится, я едва поспеваю за ней.

— Смотрите, вот кино «Москва»! Я помню его. Когда мои родители приезжали за мной в Варшаву, они шли сюда, чтобы дождаться, пока у нас кончатся уроки. Этот кинотеатр построен вскоре после войны по нашему типовому проекту. Точно такой же есть у нас, в Ленинграде.

Вот наконец и надпись «Улица Раковецкая».

Мы идем, вглядываясь, как в лицо человека, в каждое здание. На стене одного — табличка: «3 августа 1944 года гитлеровцы расстреляли на улице Раковецкой, в доме № 4, пятнадцать человек, в доме № 5 — десять человек и в доме № 15/17 — пятнадцать человек». Ветер колеблет язычки свечей, что горят на тротуаре, вздрагивают под дождем желтые и сиреневые хризантемы, перевитые бело-красной лентой. Только в одной Варшаве больше четырехсот таких табличек, и у каждой — живые цветы, негаснущий огонь памяти народной...

Идем дальше. И вот в просвете между новыми домами трехэтажный особнячок с башенками по углам.

— Этот?— спрашиваю свою спутницу.

— Пожалуй, да. Вот и решетчатая ограда. Я помню, как мы, малыши, висли на ней — все хотелось посмотреть, что делалось на улице. Помню, как проносились мимо грузовики, груженные щебнем,— варшавяне расчищали улицы своей столицы.

А теперь мимо нас снуют деловитые польские «фиаты», торопятся под пестрыми зонтиками прохожие, и нам пора домой, в гостиницу. Здесь Наде передали, что ее разыскивал какой-то поляк.

— Это, наверно, пан Хоросевич получил мою открытку и пришел со мной повидаться.

Да, так оно и оказалось. На следующий вечер Надя была в гостях у Хоросевичей. Перебирали старые семейные фотографии, где рядом с паном Тадеушем Надя узнала своего отца. И весь вечер раздавалось: «А помнишь... а помнишь?»

Потом, уже в Москве, когда разъехались по домам лауреаты конкурса, я получила письмо от Нади:

«На работе я целыми днями рассказывала о Польше. Многократное повторение этих рассказов привело к тому, что был объявлен «массовый сбор» желающих знать все о Польше. Постаралась донести до слушателей, наших сотрудников, всю ту теплоту чувств, с которыми нас встречали.

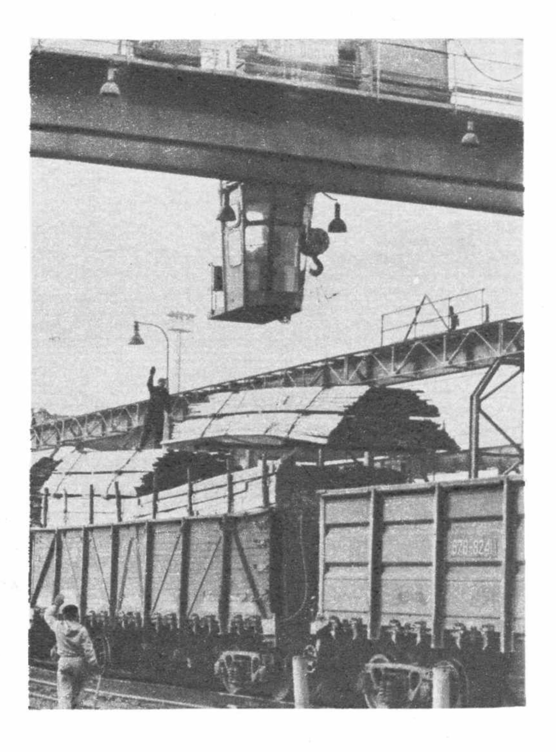
Принесла в лабораторию книги, журналы, проспекты, сувениры, подарки. Сослуживцы задавали много вопросов — и про архитектуру, и про сельское хозяйство, и по искусству. К счастью, обо всем этом нам рассказывала наш гид — Изабелла Мышка, поэтому ответы были наготове».

* * *

Две недели в Польше промелькнули очень быстро. Но и после возвращения для участников нашей поездки встреча с этой страной не окончилась. Недаром авторы многих работ, присланных в «Огонек», написали, что считают себя чрезвычайными и полномочными послами дружбы.

ЗА СТРОКОЙ ДОГОВОРА

12 декабря советский и чехословацкий народы отмечают 31-ю годовщину со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Эта дата совпала с завершением месячника чехословацко-советской дружбы, который с большим успехом прошел в ЧССР.

Чьерну-над-Тисой, маленький словацкий городок, знает теперь каждый школьник в Чехословакии. История крупнейшего в ЧССР железнодорожного перевалочного пункта началась в 1947 году, когда в стране случился неурожай и сюда прибыли первые составы с советской пшеницей. С тех пор через эту пограничную станцию прошли миллионы тонн железной руды, угля, хлопка, древесины из Советского Союза, десятки тысяч станков и машин, составляющих главную часть чехословацкого экспорта в СССР. С каждым годом расширяются мощности станции. Поднимающиеся здесь новые эстакады — символ крепнущего сотрудничества наших стран.

На снимке: пункт назначения — пражские новостройки.

Автозавод в Копршивнице производит грузовые автомобили «Татра». Эти мощные, надежные машины известны далеко за пределами Чехословакии. Значительная их часть отправляется в Советский Союз.

На снимке: Людмила Роглова занята на сборке кабин.

Фото ЧТК.

«Огонек» на БАМе

ГЛАВНАЯ УЛИЦА СИБИРИ

Л. МОНЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Якурим — старинное сибирское село на берегу своенравной Лены, начальная станция западного участка БАМа. Здесь в сентябре нынешнего года «серебряный» костыль соединил действующую железную дорогу с первым звеном будущей магистрали.

Суровый, дикий край. Значительная часть трассы БАМа пройдет через зону полюса холода. Зимой температура воздуха в межгорных котловинах опускается до —60 градусов, а летом поднимается до 35—38 градусов жары. Добавьте к этому коварные обвалы, сокрушительные селевые потоки, разливы рек — и вы поймете, какой ценой даются метры магистрали века.

— Западный участок БАМа — один из наиболее сложных для строительства,— говорит начальник управления «Ангарстрой» Василий Степанович Бондарев.— Нам предстоит вырубить по линии будущей трассы пять тысяч гектаров леса, уложить в полотно железной дороги тридцать миллионов кубометров грунта. А мосты? Взгляните на карту — сплошные реки и речушки. Через них мы перебросим шесть больших, пятьдесят шесть средних и сто пятьдесят два малых моста. Полтысячи километров рельсового пути лягут там, где сегодня бродят только олени да медведи. На железной дороге появятся двенадцать благоустроенных поселков. Вдоль полотна поднимутся защитные сооружения против набегов «белых драконов» — лавин.

...Их было семнадцать веселых, крепких парней. На бульдозерах продирались они сквозь замерзшую тайгу к тихой речке Таюра. Термометр показывал минус 55. Потрескивали настывшие деревья, рокот охрипших моторов бился в глухих ущельях. На перевале Трех Волков у бульдозера лопнула рама. Валерий Бердин сварил ее на морозе вопреки всем техническим инструкциям, и машина пошла дальше — по болотам, топям, крутым склонам хребтов.

Потом была первая палатка и первое дерево, сваленное для первого дома.

Так начинался Звездный.

Нынче в поселке уютно. Здесь работает комсомольский отряд, который в мае 1974 года приехал на строительство БАМа прямо с XVII съезда ВЛКСМ. Молодые посланцы республик страны построили школу, пекарню, срубили баню с настоящей сибирской парной, столовую, почту, магазин, жилые дома. Последнее новоселье справили в канун годовщины Октября. Прощайте, палатки! В них прошли самые трудные дни.

Путешествуйте вертолетами!

Скоро будет новый дом.

Ежедневно в штаб-квартиру западного участка приходят сотни писем. Они начинаются со слов «Хочу строить...», «Хочу быть на главной стройке государства...».

— У нас есть выбор,— говорит начальник строительно-монтажного поезда Петр Петрович Сахно.— И мы пользуемся своим правом: в Звездном работают лучшие представители молодежи. Одна беда — почти все ребята механизаторы, а на данном этапе требуются плотники, землекопы, вальщики леса. Задачу переквалификации решаем на ходу.

На БАМе бытует выражение: «Заработок не гарантируем, гарантируем работу». В лесу, допустим, вальщики получают раза в два больше, чем на строительстве поселка. Разница в зарплате воспринимается спокойно. В этом спокойствии и понимание производственной ситуации и хозяйское чувство ответственности за все, что происходит на стройке.

...В Магистральный меня доставил вертолет. Гигантские машины забрасывают трубы для теплотрасс, доставляют фрукты и овощи, отвозят на соревнования спортсменов и привозят бригады артистов. Я прилетел на вертолете, который вез... вагон. Здоровенный жилой вагон болтался под брюхом МИ-6 и был осторожно установлен на специальную площадку. БАМ обслуживают асы. Командиров кораблей Анатолия Лобова, Евгения Каспировича в Сибири знают как отличных пилотов.

Итак, Магистральный. Побывавший здесь в октябре этого года главный редактор западногерманской газеты «Зюддейче цайтунг» господин Кемпски сказал, что ему понравились молодые люди, строящие дорогу. По мнению известного журналиста, они обладают крепкими характерами, полны идеалов и высоких стремлений.

Магистральный — база сибирских комсомольцев. Впрочем, здесь достаточно и опытных строителей. Мне встретился старый знакомый, Герой Социалистического Труда, бригадир комплексной бригады Николай Михайлович Михайлов из города Шелехова. Он работает плотником.

— Сам напросился в плотники,— гудит Михайлов, щуря в улыбке раскосые глаза.

Он не бравировал — не такой Михалыч человек.

Сибиряки основательно подготовились к трудной зиме: рубленые дома, хорошие дороги к рабочим объектам, продовольственные склады, великолепная столовая, где вечерами проходят «огоньки» с участием местных поэтов, музыкантов и известных ученых, которые ведут исследования на трассе. Наука трудится на БАМе давно. Особо весом вклад институтов Сибирского отделения Академии наук СССР, в частности институтов мерзлотоведения, земной коры, географии Сибири и Дальнего Востока. Их работы позволили выбрать наиболее рациональные направления трассы, определить основные принципы возведения и эксплуатации инженерных сооружений.

...Вертолет, прижатый темными облаками к бритым макушкам гольцов, идет над будущей трассой. Сверху она напоминает поле боя перед началом сражения. Широкие просеки, ровные штабеля леса, костры, бесконечный поток мощной техники. И, конечно, люди.

На главной улице Сибири готовятся к генеральному наступлению.

НАШ ЛАУРЕАТ — АЛЕКСАНДР ПРОХОРОВ

В пятнадцатый раз редакция журнала «Огонек» вручает кубок лучшему вратарю сезона. Нашими лауреатами за эти годы были Л. Яшин (трижды), В. Маслаченко, С. Котрикадзе, В. Банников (дважды), А. Кавазашвили (дважды), Ю. Пшеничников, Е. Рудаков (трижды), В. Пильгуй. И вот теперь рядом с этими выдающимися стражами футбольных ворот по праву занял место А. Прохоров.

Вратарь «Спартака», серебряного призера чемпионата СССР, защищал борота своей команды почти весь сезон и показал высокое мастерство. В том, что спартаковцы пропустили мячей меньше, чем чемпионы страны киевские динамовцы (всего 23!), конечно, прежде всего заслуга Александра Прохорова.

С нашим новым лауреатом читателей знакомят известные вратари прошлых лет, ставшие журналистами,— Алексей Леонтьев и Алексей Хомич.

Трудным был путь Александра Прохорова к самой заветной награде всех вратарей — призу «Огонька». Впервые я увидел Александра еще в 1966 году в рядах минского «Динамо». Двадцатилетний вратарь привлек тогда к себе внимание незаурядной смелостью, каким-то особым изяществом при приеме мяча. Уже через два года он был приглашен в киевское «Динамо», но молниеносная реакция, великолепная прыгучесть, острое чутье не давали Александру преимущества перед Евгением Рудаковым, уже в то время ставшим одним из лучших вратарей страны. Прохоров оказался на втором плане, а он не хотел оставаться в тени Рудакова и перешел в «Спартак».

Дебют Александра Прохорова в «Спартаке» состоялся в 1972 году, а уже в следующем сезоне в каждом из двадцати восьми сыгранных им матчей чемпионата он показал высокое мастерство. Еще более удачно провел Прохоров нынешний сезон. Не ошибусь, если скажу, что никому из вратарей высшей лиги не пришлось в нынешнем году выдержать такую нагрузку, но чем труднее приходилось Прохорову, тем лучше он играл.

А. ЛЕОНТЬЕВ, мастер спорта

Фото А. Хомича, заслуженного мастера спорта.

Г. Ряжский. 1895—1952. ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА. 1928.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

И. Клычев. КОВРОВЩИЦЫ.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Н. ВЕРИНА

ТВ: ЕЩЕ ОДНА ЗАБОТА

Волшебный экран. Телевидение. Ну где еще так побеждающе нагляден бег научно-технического прогресса? Каких-нибудь два десятка лет назад наши магазины — помните?—могли предложить всего один телевизионный приемник — КВН, с крошечным экраном и нескладной увеличительной линзой. По вечерам его счастливые владельцы смотрели только одну программу. Других не было.

Теперь не то. На полках магазинов теснятся телевизоры, один совершеннее другого. С огромными экранами. Есть и цветные. Каналов, скажем, у Московского телевидения стало четыре. А передачи! Каких только нет! На все возрасты и вкусы. И уже написано немало диссертаций о феномене голубого экрана. И ведутся ученые споры: чего больше проистекает от телевидения — пользы или вреда? Одни утверждают — вреда, ибо телеэкран отвлекает от активных занятий. Другие говорят: нет, перевешивает польза. И ссылаются в подтверждение на подростков, взявших в руки Диккенса только после телевизионного «Пикквикского клуба». Словом, расцвет телевидения. Эра телевидения. Все — и желающие и нежелающие — втянуты в сферу его влияния. Никто не обойден.

Так уж и никто? Верно ли это? Нет, не верно. На самом деле есть немало людей, до сих пор остающихся, так сказать, за кадром. Эти люди очень хотят смотреть телепередачи, но не могут. А между тем телевидение для них нужнее, чем для кого бы то ни было. Речь идет о тех, кто полностью или частично лишен слуха. Они составляют примерно шесть процентов населения нашей страны. А это уже миллионы граждан СССР не могут слушать радио, посещать обычные театры, кино. Словом, лишены многих возможностей получения информации. Но ведь ученые считают, что объем информации, которую человек получает с помощью зрения, втрое меньше той, что получается и передается с помощью слуха и звуковой речи.

Чезаре Магаротто, генеральный секретарь Всемирной федерации глухих, говорит, что отсутствие слуха «изолирует человека от мира, отграничивает его от общества, к тому же глухота невидима. Люди видят слепого, ...но не замечают глухого. Поэтому во многих странах забывают о том, что существует проблема глухоты».

Нет, в нашей стране не забывают. Люди, лишенные слуха, живут полной, содержательной жизнью. Учатся в специальных школах, трудятся, занимаются спортом. К их услугам — собственные клубы, журнал. В Москве снискал добрую известность театр мимики и жеста. Создано немало приборов, облегчающих обучение этих людей и их быт. Уже несколько лет в столице успешно действует лаборатория сурдотехники при специальном конструкторском проектно-техническом бюро Всероссийского общества глухих, лаборатория, конструирующая такие приборы. Тот же Чезаре Магаротто, отдавший всю свою жизнь облегчению участи неслышащих, посетив в прошлом году Советский Союз, с удовлетворением отмечал, что для людей с тяжелыми поражениями слуха у нас делается все возможное.

И только телевидение пока что остается для них книгой за семью печатями. Но ведь далеко не всегда человек имеет возможность поехать в свой клуб, чтобы посмотреть субтитрированный кинофильм или ознакомиться с лекцией. Конечно, есть и другие средства массовой информации — книги, газеты, журналы. Однако они не возмещают отсутствия кинофильмов — художественных, научно-популярных, видовых. К тому же среди лишенных слуха немало людей, у которых лишь начальное образование. Их уму и чувству телепередача с пояснительным текстом даст гораздо больше, нежели печать и литература. А особенно тяжело положение тех, кто утратил слух в зрелом возрасте. Они не знают мимической речи, не овладели искусством считывать слова с губ говорящего. Поэтому они не могут приобщиться к той большой политико-воспитательной работе, которую ведет Всероссийское общество глухих. И для всех этих людей телевидение может стать надежным другом, проводником в большой мир.

В некоторых странах эта нелегкая проблема уже решена. В Швеции, Англии, США, Италии такие передачи уже ведутся. Причем в Швеции сейчас разрабатывается техника, позволяющая сопровождать передачи пояснительными надписями, которые зрители могут включать и выключать по желанию.

А в нашей стране? Неужели теперь, при наличии нескольких передающих телеканалов, нельзя выделять на такие передачи час-другой в неделю? В Москве передачи с пояснительными текстами можно было бы вести по второй или четвертой программе. Да и в других городах, думается, есть такая возможность. Передо мной программа передач челябинской телестудии за прошлый год. По восьмому каналу они идут только вечером. А если раз-два в неделю начинать их на час раньше? К слову говоря, именно в Челябинске члены правления Всесоюзного общества глухих не так давно встречались с председателем областного комитета по телевидению и радиовещанию. Во время встречи выяснилось, что передачи с пояснительным текстом в Челябинской области нужны не только на русском языке. А разве нет такой надобности во многих других краях и областях нашей многонациональной страны?

Справедливости ради скажем, что в Кирове и Пятигорске были попытки вести передачи для лишенных слуха с помощью переводчика, перелагавшего звуковую речь на язык жестов. Однако дальше пробных передач дело не продвинулось. Да это и понятно. Присутствие на экране переводчика вызывает отрицательные чувства у слышащих телезрителей. Так что путь к решению проблемы может быть только один — передачи с пояснительными текстами.

Но тут возникает вопрос: располагаем ли мы сегодня техническими возможностями для организации телепередач, сопровождаемых субтитрами? Да, такие возможности имеются.

В 1963 году слесарь из Баку Игорь Федорович Мельников получил авторское свидетельство на свое изобретение: «Автомат проецирования субтитров». Вот его суть. Автомат-переводчик, работая синхронно с кинопроектором, отрезает нижнюю часть экрана узкой полоской субтитров. Изобретение Мельникова дает очень большую экономию пленки, других материалов и соответственно денежных средств. Раньше на субтитрированные копии звуковых фильмов уходило три тысячи метров дефицитной пленки, а аппарат Мельникова свел этот расход всего к двум метрам.

Изобретение зажило своей жизнью. На его основе теперь, кстати, делаются и фильмокопии для людей, лишенных слуха. Но Мельников не оставил работы над своим детищем, задумав приспособить его для телевидения. В мае нынешнего года в Москве уже упоминавшаяся лаборатория сурдотехники, где работает теперь Игорь Федорович, и сотрудники Всесоюзного телецентра имени 50-летия Октября успешно провели практические работы по субтитрированию передач. Причем реализация изобретения и нового предложения Мельникова позволяет не только сопровождать пояснительным текстом транслируемые передачи, но и записывать их в таком виде на видеоленту для повторных показов.

Итак, техническое решение задачи найдено. Теперь предстоит дать этому новшеству путевку в жизнь. Тем самым будет решена не только важная моральная проблема. Организация субтитрированных телепередач обещает и экономический эффект. Не секрет, что телевизоры с большим диаметром экрана сейчас нередко застревают в магазинах: слишком много их производится. А если у многомиллионной армии телезрителей появится пополнение, телевизоры, естественно, станут раскупаться быстрее.

...Человек, даже жестоко обделенный природой, многое может совершить. Может подняться над своим несчастьем и оставить по себе благодарную память. В подтверждение тому история называет нам имена великих — композитора Бетховена, художника ди Бетто, по прозванию Пинтурикккио, великого актера Остужева. Вряд ли хоть кто-то в нашей стране не слышал об Ольге Ивановне Скороходовой, литераторе, с рождения лишенной слуха и зрения. На памяти у многих и недавний пример. Несколько лет назад в Московский университет поступили питомцы Загорской школы для слепоглухих детей, поступили, успешно выдержав экзамены.

Да, возможности человека велики. И тем ответственнее наша общая задача: всемерно помогать тем, с кем немилостиво обошлась природа. Мы обязаны помочь им и разрушить стену безмолвия, окружающую их. И надежным нашим союзником здесь должен стать голубой экран.

На страже московского неба.

Навстречу 30-летию Победы

МЫ ПОМН

Москва. Первые дни мобилизации. 1941 год.
Фото А. Устинова.

Мы помним лето 1941-го, помним опаленную огнем Волгу и чудо-богатырей волжских, помним, как форсировали Днепр и Неман, Вислу и Одер. Помним, как дошли до самого Берлина, как водружали алый стяг Победы.

Ты никогда не забудешь, товарищ фронтовик, ни один из 1 418 выстраданных тобой легендарных дней кровопролитных сражений. И никто не смеет забыть их. Никто! Никогда!

...«Никто не забыт, и ничто не забыто». Прекрасные эти слова, написанные кровью сердца, сегодня, в преддверии 30-летия великой Победы, мы повторяем в форме более категоричной: никто и ничто не должно быть забыто! Во имя торжества мира, доставшегося нам безмерно дорогой ценой.

Никто и ничто не должно быть забыто! Это святой долг перед павшими, которые навсегда останутся живыми в памяти нашей. Это всенародная благодарность миллионам фронтовиков, назидание детям и внукам их: не забывайте, как это было.

На веки вечные сохранит народ память о подвиге советского солдата. О нем уже многое написано, рассказано, сложены песни, поэмы, созданы фильмы, романы. Но далеко не все свидетельства бесстрашия сынов Отечества обнародованы. Сколько еще имен героев минувшей войны не назва-

Фото О. Кнорринга.

но, сколько обошедших весь мир фотографий еще не расшифровано.

Публикуя сегодня фотодокументы минувшей войны, мы приглашаем читателей, военных журналистов, писателей, участников героических битв: шлите нам свои воспоминания, фотографии, сопровождайте их комментариями, а также помогите расшифровать публиковавшиеся в альбомах, журналах фотографии, с которых смотрят на нас герои Отечественной войны. Мы будем печатать фотодокументы, письма, страницы дневников, воспоминания фронтовиков, тружеников тыла.

Вспомни, товарищ!..

Политрук ведет бой.

Фото И. Шагина.

Цезарь СОЛОДАРЬ

Фото И. Тункеля.

ЧУВСТВО ДОБРОГО

Военная зима сорок второго. После нескольких поездок на фронт Дмитрий Кабалевский пишет оперу «В огне». Сюжет и образы подсказаны живыми наблюдениями, подвигами воинов под Москвой.

Композитор работает без отдыха в прямом смысле слова: оперу ждет филиал Большого театра, играющий спектакли в прифронтовой Москве. Мне, начинающему драматургу, доверено либретто. Кабалевский поражает меня своей работоспособностью, требовательностью к себе, необыкновенным умением дорожить каждой минутой.

И вдруг в самые горячие дни нашей совместной работы Дмитрий Борисович отменяет наши встречи... Как же так? Ведь меня для работы с Кабалевским отпустили из фронтовой газеты на короткий срок. Композитор все это знает, но считает себя обязанным немедленно посмотреть репетиции какого-то пионерского, никому не известного ансамбля, вникнуть в репертуар...

Потом я узнал, что речь шла об ансамбле песни и пляски, созданном в суровую военную пору энтузиастом музыкального воспитания детей Владимиром Сергеевичем Локтевым при Московском Доме пионеров. Судьба ансамбля висела на волоске. Локтеву нужна была решительная поддержка. Он нашел ее у Кабалевского, который уже тогда считал себя обязанным не только сочинять музыку для детей, но и действенно помогать всем, кто нес музыку детям. В дни кровопролитных сражений была опубликована его взволнованная статья об ансамбле, о его перспективах. И действительно, ко Дню Победы взращенный Локтевым коллектив имел десятки побратимов во многих уголках страны.

Прошло тридцать два года.

На далеком Алтае, в селе Мало-Енисейском, Бийского района, открывают детскую музыкальную школу. К кому же обращаются за поддержкой молодые педагоги-музыканты, стремящиеся сделать новую школу радостной и желанной для детей? Конечно, к Кабалевскому. И между молодым педагогическим коллективом и композитором возникает переписка. Дмитрий Борисович настоятельно советует малоенисейцам воспользоваться богатым опытом музыкальной школы села Калинина, Кунгурского района, Пермской области, за развитием и успехами которой наблюдает уже много лет.

Характерная деталь. Кабалевский обращает внимание малоенисейских музыкантов на то, что «в селе Калинине замечательный председатель колхоза — И. А. Талянский. Ему школа обязана своим рождением и своими успехами». Думаю, малоенисейцы в трудные для новой школы минуты догадаются показать эти строки председателю своего колхоза, и тот основательно над ними призадумается!

Не удивляйтесь, что я начинаю рассказывать о выдающемся композиторе с таких вроде бы совсем «нетворческих» эпизодов. Но для создателя «Семьи Тараса» и «Кола Брюньона», «Реквиема», широко известных симфоний, многочисленных сонат и вокальных произведений нет миссии более почетной, нет заботы более кровной, нежели эстетическое воспитание подрастающего поколения.

«Прекрасное пробуждает доброе» — так назвал Дмитрий Борисович одну из своих книг. Эти слова — девиз его горячей жизни и кипучей работы, его творческая платформа. Всеми силами он стремится привить молодежи понимание прекрасного, ибо сам искренне верует, что прекрасное как раз и пробудит в будущих гражданах бесценное чувство доброго, без которого нельзя стать строителем коммунистического общества.

Впрочем, не только о детях своей Родины заботится Кабалевский,— его деятельность находит живой отклик во многих странах. Не случайно он связан постоянной перепиской с педагогами и школьниками Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Аргентины, Канады, США, Франции, Японии... И есть закономерность в том, что именно он, советский композитор, профессор Московской консерватории, член Академии педагогических наук СССР, стал почетным президентом Международной организации по музыкальному воспитанию детей при ЮНЕСКО, иными словами, возглавляет сообщество тех, кто на разных континентах борется за то, чтобы каждому ребенку и каждому подростку — независимо от получаемого образования — была привита любовь к прекрасному, к музыке.

Переписка Кабалевского с детьми и педагогами составила бы добрый десяток толстенных томов. Прокомментировать ее даже вкратце нет никакой возможности. Но одного письма я все же обязан коснуться.

Пятиклассники из Донецка как-то написали Дмитрию Борисовичу об увлекшей их игре — путешествию по Морю Песен — и просили ответить им. Некая организация, куда попало почему-то письмо школьников, не очень торопилась, мягко выражаясь, переслать его Кабалевскому. А потом классная руководительница написала Дмитрию Борисовичу, что ребят огорчило его молчание. Он немедленно ответил:

«Вам совершенно не нужно, дорогая Галина Васильевна, извиняться передо мной,— Вы сделали очень хорошо, что написали мне. Вы ошиблись только в одном: допустив мысль, что я мог не ответить ребятам на полученное от них письмо. Я действительно занят невероятно и писем получаю столько, что подробно отвечать на все просто физически не в состоянии, но на все письма ребят отвечаю всегда».

Да. На все. Да. Всегда.

Частенько доводится видеть, как далеко за полночь светится окно в кабинете за городом, на даче, куда Дмитрию Борисовичу все реже и реже удается выбираться из города. В ночной тиши явственно слышится стук пишущей машинки... А утром я вижу на столе у Кабалевского стопку прочитанных ребячьих писем и не менее увесистую стопку подробных, написанных поистине с горьковской уважительностью к детям ответов. На пюпитре рояля — нотные наброски неоконченной оратории. На письменном столе — рукопись заканчиваемой книги «Как рассказывать детям о музыке». Заметив, что к рукописи Дмитрий Борисович обращается чаще, нежели к нотным листам, я как-то сказал:

— Переписка с детьми и педагогами. Книги для детей о музыке. Вступительные лекции перед симфоническими концертами для юношества. Беседы с детьми по радио и телевидению. Экспериментальные уроки музыки в общеобразовательной школе. Разработка новой программы преподавания музыки. И многое, многое другое... Значит, за всем этим — несочиненные оперы, симфонии, балеты?

Для пущей убедительности я назвал то, что было мне известно из незаконченных произведений композитора.

Кабалевский ответил просто:

— Музыку — хорошую, замечательную, даже превосходнейшую — сочиняют сейчас многие композиторы. А вот книги, особенно для детей, вроде бы никто из них не писал и писать не собирается... Очень нелегко мне отрываться от нотной бумаги, но кто знает, может быть, новой книгой я принесу нашей музыке больше пользы, чем еще одной какой-нибудь новой партитурой...

Эти слова еще больше убеждают, когда вспоминаешь эпиграф, предпосланный композитором проекту официальной программы уроков музыки в общеобразовательной школе: «Музыкальное воспитание — это не воспитание музыканта, а прежде всего воспитание человека». Это высказывание мудрого педагога В. А. Сухомлинского не могло не восхитить композитора, который в своем докладе «Человек и искусство», прочитанном на Всемирной выставке в Брюсселе, сказал:

«Искусство создается **человеком**, искусство создается **о человеке**, искусство создается **для человека**».

Самым интересным и подробным письмом Кабалевского к ребятам можно, пожалуй, назвать его книгу «Про трех китов и про многое другое», впервые изданную четыре года тому назад и выдержавшую уже много изданий на многих языках. Почему же композитор счел себя обязанным написать эту увлекательную книгу о музыке? Да потому прежде всего, что, по глубокому, основанному на многолетних наблюдениях убеждению композитора, музыка только тогда обретает животворную силу настоящего искусства, когда в один ряд с ее создателями становится и слушатель. Вот Кабалевский и помогает ребятам стать полноценными слушателями музыки и, начиная доверительный разговор с ними, не скрывает от ребят: мало стремиться к постижению музыки — этому надо серьезно учиться.

Книгу для детей о музыке Дмитрию Борисовичу было трудно писать. Ведь в книге не воспользуешься примерами самой музыки — тем могучим оружием, которое он так щедро использует в широко известных беседах своих по радио и телевидению... И все же талантливому пропагандисту музыки удалось изложить богатейший материал столь страстно и интересно, что, даже оставаясь в тишине, наедине с книгой, читатель не ощущает потребности в сиюминутной музыкальной иллюстрации. Желание **услышать** возникнет у него после того, как он осознает **прочитанное**.

Познавательная повесть Кабалевского интересна ребятам еще и потому, что композитор, как и в своих беседах, рассказывает о музыке, не изолируя ее от мира прекрасного, от литературы и живописи.

Рассказ «Про трех китов», песню, танец и марш, на которых держится музыка, занимает только первую треть книги. Для чего же потребовались остальные две трети?

Да именно для того, чтобы связать музыку с поэзией, пробудить в юных читателях стремление не только глубоко вслушаться в симфоническую и оперную музыку, но и перечитать Пушкина и Некрасова, вдуматься в глубокий смысл пламенных стихов старых революционных песен, по-новому взглянуть на известные уже им произведения живописи... Нельзя без восхищения читать главу о литовском композиторе и живописце Микалоюсе Чюрлёнисе, которого Ромен Роллан сравнивал с Христофором Колумбом за открытие нового духовного континента в мире искусств. Написана эта глава с такой страстью и убежденностью, что

Письмо заканчивалось словами: «Очень просим вас, пожалуйста, поторопитесь!»

Письмо из «Подснежника», такое непосредственное, написанное без вычурных фраз, заставило Кабалевского позабыть о кантате, о новой редакции «Кола Брюньона», о предстоящем докладе на пленуме правления Союза композиторов, обо всех срочных и неотложных делах. Он был одержим одним желанием — написать песню для ребят из «Подснежника». Такую песню, которая стала бы для них действительно своей — радостной и нужной.

— Надо написать песню! И безотлагательно! — сказал композитор, вручая мне письмо из «Подснежника».— Для этой работы я свободен в любое время.

Вскоре я написал стихи — первый вариант песни «Подснежник», и хотя время было позднее, тут же поспешил к композитору, тем более что свет из окон его кабинета рельефно высвечивал в ночной мгле очертания молодых березок в весеннем лесу.

В стихах, далеко не совершенных, ничто не напоминало ребятам из «Подснежника» об их тяжелом недуге, и, видимо, этого и ждал Кабалевский. Вскоре он сел за рояль.

А наутро я услышал прекрасную музыку «Подснежника». Напевная и лиричная, пронизанная надеждой, чувством радостного и оптимистического восприятия жизни, она отражала неизбывную любовь к природе, к родному краю, о чем так тепло и писали ребята композитору...

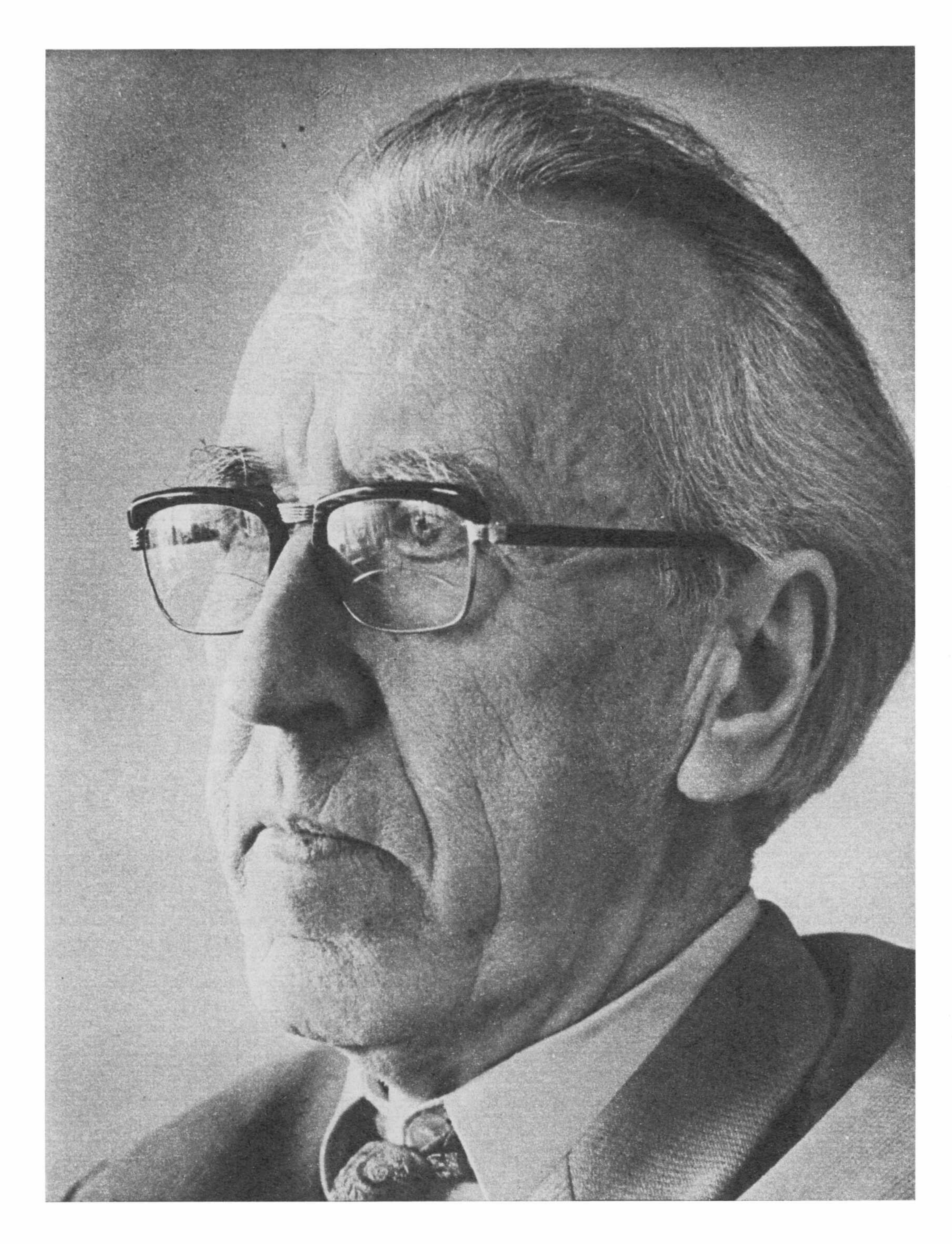
Посылая ребятам из «Подснежника» вместе с нотами и стихами магнитофонную запись песни, композитор писал:

«Нам очень понравилось, как вы пишете, что, несмотря на трудности своего лечебного режима, стараетесь не отставать от своих сверстников в школьных занятиях и даже в пионерских делах. Ну какие же вы молодцы! Просто настоящие молодцы! И очень хорошо вы описали красивую природу, которая окружает здание вашего санатория. И нам очень захотелось написать для вас песню. Но вот что мы решили: ничто в этой песне не должно говорить о тех трудностях, которые вы сейчас переживаете, о том, что вы сейчас ведете особый образ жизни, требующий стойкости и большого жизнелюбия».

Прошло несколько лет. Кабалевский был избран жителями Пермской области депутатом Верховного Совета СССР и поехал к своим избирателям. В свой маршрут он включил посещение «Подснежника».

Дети встретили дорогого гостя его песней, для них написанной. Она звучала на всех этажах, летела из распахнутых дверей всех комнат, и этот необычный многоголосый хор стойких в беде ребят был поистине величав, он стал гимном во славу преодоления самых тяжелых трудностей.

Работа над песней «Подснежник», думается, ярче всего выражает высокие творческие принципы Кабалевского: писать только то, чего нельзя не написать, только то, что проходит через сердце! Всякие иные побуждения этому горячему сердцу глубоко чужды...

трудно представить читателя, который останется равнодушным, холодным к сокровищам, таящимся в этой удивительной книге.

Уважение и любовь Кабалевского к литературе ярко проявляются и в его собственно музыкальном творчестве.

Еще во время войны композитора глубоко захватила колоритная фигура коммуниста-шахтера Тараса Яценко из повести Бориса Горбатова «Непокоренные» — о героическом большевистском подполье Донбасса в дни фашистской оккупации. Сразу же после войны приступив к работе над оперой «Семья Тараса», ныне вошедшей в золотой фонд советского оперного искусства, композитор почувствовал насущную необходимость в живом творческом общении с Горбатовым.

Помню, Борис Леонтьевич рассказывал:

— Опера для меня — чудесный, но совершенно таинственный мир. Я долго не верил, что моя повесть таит в себе нечто нужное для оперного спектакля, но Кабалевский заставил меня взглянуть на мои же страницы под новым ракурсом, и вскоре я понял, какая это большая радость — с ним работать. Ах, если бы многие наши братья-писатели сумели так проникать в музыку, как он в литературу! Слушаешь Кабалевского, споришь с ним — словно прикасаешься к чистому роднику!..

Очень точно было это сказано замечательным писателем о замечательном композиторе.

Мне посчастливилось видеть упоенную, полную самоотречения работу Дмитрия Борисовича над произведениями самых разных музыкальных жанров — оперой, опереттой, кантатами. Но больше всего хочется рассказать про то, как создал Кабалевский одну из своих многочисленных и, быть может, даже не самую лучшую песню для детей.

Как-то разбирая при мне обильную почту, композитор особенно заинтересовался одним из ребячьих писем. Прочитав письмо, он протянул его мне; пришло оно от ребят третьих и четвертых классов лесного туберкулезного санатория «Подснежник» под Пермью. Ребята живут, учатся и лечатся, находясь на непрерывном постельном режиме. «Но мы тем не менее,— писали они композитору,— стараемся не отставать от своих сверстников: имеем свою пионерскую организацию, боремся за успехи в учебе — словом, делаем все, что делают наши здоровые сверстники». Ребята верили в свое выздоровление: «Подснежник» почти всех своих питомцев ставил на ноги. Ребятам хотелось радостно отпраздновать приближающееся сорокапятилетие санатория. Для этого, по их словам, у них было абсолютно все, кроме самого необходимого — песни! И ребята обратились к тому, чьи радиобеседы о музыке они неизменно и с большим интересом слушали. Они нисколько не сомневались, что Дмитрий Борисович откликнется на их просьбу.

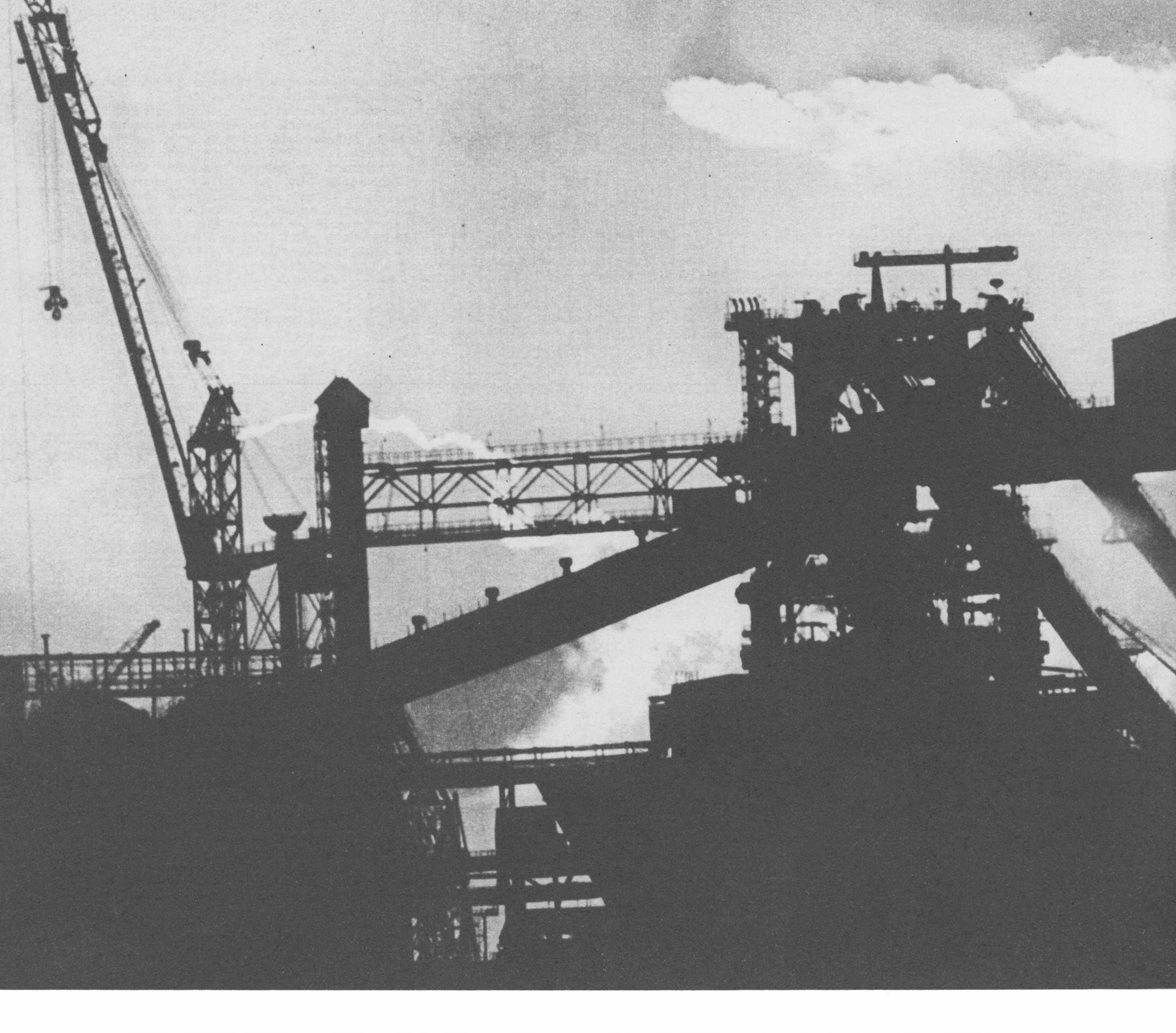
* * *

Эти строки, не отразившие и малой части многогранной творческой и общественной деятельности талантливого композитора и педагога, пишутся в преддверии его семидесятилетия. Кабалевский по-молодому энергичен, жизнедеятелен, пытлив. Сказываются неизменно свойственный ему молодой задор, чувство юмора и неистощимый оптимизм. И все же главное — это понимание огромной ответственности за все, что Дмитрий Борисович считает своим долгом, делом своей жизни. Не случайно выступление перед избирателями Пермской области, в третий раз доверившими ему представлять их в Совете Национальностей высшего органа Страны Советов, он закончил так:

— Обещаю вам сделать все, чтобы оправдать ваше доверие как композитор, как педагог, как коммунист. Я хорошо понимаю всю меру ответственности, которую возлагает на меня такое доверие!

Мера ответственности.

Да, Дмитрий Кабалевский принадлежит к славной плеяде талантливейших мастеров жизненосной советской культуры, осознавших всю меру своей высокой и священной ответственности перед народом, перед временем. Перед светлыми идеалами коммунизма.

ДЕВЯТАЯ, КРИВОРОЖ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

В наш стремительный век мы привыкли к масштабности: строим самые крупные в мире гидротурбины, самые мощные ледоколы, самые большие в мире заводы... И вот эта криворожская новостройка тоже «самая-самая». О ней говорят и пишут не просто «домна», а непременно в словосочетании, подчеркивающем ее особенности: «самая большая в мире», «уникальная», «самая совершенная»... На синей стеле, воздвигнутой у дорожного перекрестка, можно прочесть, что над проектом домны трудились тридцать пять учреждений, ее сооружали девятнадцать строительных организаций, поставили оборудование 1 985 советских заводов... Все на стеле о домне сказано: и сколько она стоит и на что способна: в год должна выдавать четыре миллиона тонн чугуна. Это мощность целого или даже двух металлургических заводов. Словом, не печь, а целый завод. Царица-домна! Только она одна обеспечит прирост четырех процентов общесоюзного производства чугуна в год.

— А вдруг великанша остановится? — спрашивала я, будучи еще в Москве, главного конструктора этой домны А. Е. Сухорукова, начальника доменного отдела «Гипромеза».

— «Вдруг» не бывает. Домна ставится на капитальный ремонт через десять лет. На заводе еще восемь домен. Это во-первых,— успокаивал меня А. Е. Сухоруков.— Во-вторых, зарубежный опыт показывает, что можно строить завод даже при наличии одной очень большой домны. Японцы пустили завод в Оита на одной-единственной печи, объемом четыре с небольшим тысячи кубических метров. Наша домна, как известно, имеет объем пять тысяч.

— В чем же тут выгода?

— Чем крупнее домна, тем она экономичнее, снижаются удельные капитальные затраты на производство одной тонны чугуна, увеличивается производительность труда, уменьшается себестоимость металла. Это касается не только домен. Общая тенденция современной техники — укрупнение агрегатов, концентрация мощностей.

Еще более конкретный разговор на эту тему был у меня в Кривом Роге. Начальник второго доменного цеха «Криворожстали» кандидат технических наук П. Г. Нетребко привел такие цифры: три старые криворожские домны, вместе взятые, дают чугуна меньше, чем даст одна новая, а обслуживает их большее число горновых. В результате резко возрастет выплавка чугуна на одного работающего: на

ны, стенды, газеты, плакаты дают представление о высоком накале стройки. Между бригадами идет борьба за право вручения символического ключа в долгожданный день задувки домны, когда будет подписан последний акт о сдаче «Криворожстали» всех объектов. У этого акта будет порядковый номер 3064. Именно столько здесь установок, агрегатов, узлов. Домна № 9 — это не только сама печь, но и огромный комплекс, расположившийся на четырехстах гектарах.

Среди тех, кто претендует на символический ключ, знаменитая бригада заслуженного строителя республики И. А. Давыдова, имя которого гремит на стройке. Эта комсомольско-молодежная бригада два года назад первой уложила бетон в фундамент доменной печи. Потом она строила водоводы, кабельные тоннели, вспомогательные цеха. Фамилия бригадира много раз появлялась на световом табло. Нашли мы Давыдова на литейном дворе, напоминавшем увеличенную арену цирка: он круглый и повторяет очертания самой домны. Ни в одной стране мира на металлургических заводах нет подобных литейных дворов. Такая его планировка оказалась самой рациональной и наиболее удобной. Это подтвердила эксплуатация предшественницы криворожского детища — последняя домна Новолипецкого металлургического завода, у нее впервые в мире был сделан круглый литейный двор. По окружности передвигаются кольцевые краны, получившие свободный доступ ко всем участкам.

Бригада Давыдова настилала из шамотного кирпича и чугунных плит полы рабочей площадки литейного двора. Среди молодых рабочих я обратила внимание на стройную девушку в каске и зеленом свитере. Ее лицо мне показалось знакомым. Потом вспомнила, где его видела,— в фотоокне комсомольского штаба стройки. Она была не в каске, а в легкой косыночке.

Наташе всего девятнадцать лет. Два года назад она окончила школу. Мечтала стать педагогом, как Галина Васильевна Изранцева, ее мать. В институт не прошла по конкурсу. В райкоме комсомола ей вручили путевку на домну. В этом году Наташа поступила на вечерний факультет горнорудного института, выбрав специальность строителя. Полюбила, значит, строительное дело. И в бригаде ее полюбили: сначала избрали групкомсоргом, а недавно выдвинули в секретари комсомольской организации управления.

Рядом с бригадой Давыдова работают монтажники, электрики, сварщики. Все здесь движется, сверкает каскадами искр, оглушает гулом моторов и компрессоров. Литейный двор и впрямь напоминает грандиозную арену, на которой идет генеральная репетиция. До премьеры остается все меньше и меньше дней.

Горновые Н. Глушко, А. Кузнецов, В. Дундук из бригады, претендующей на право первой плавки.

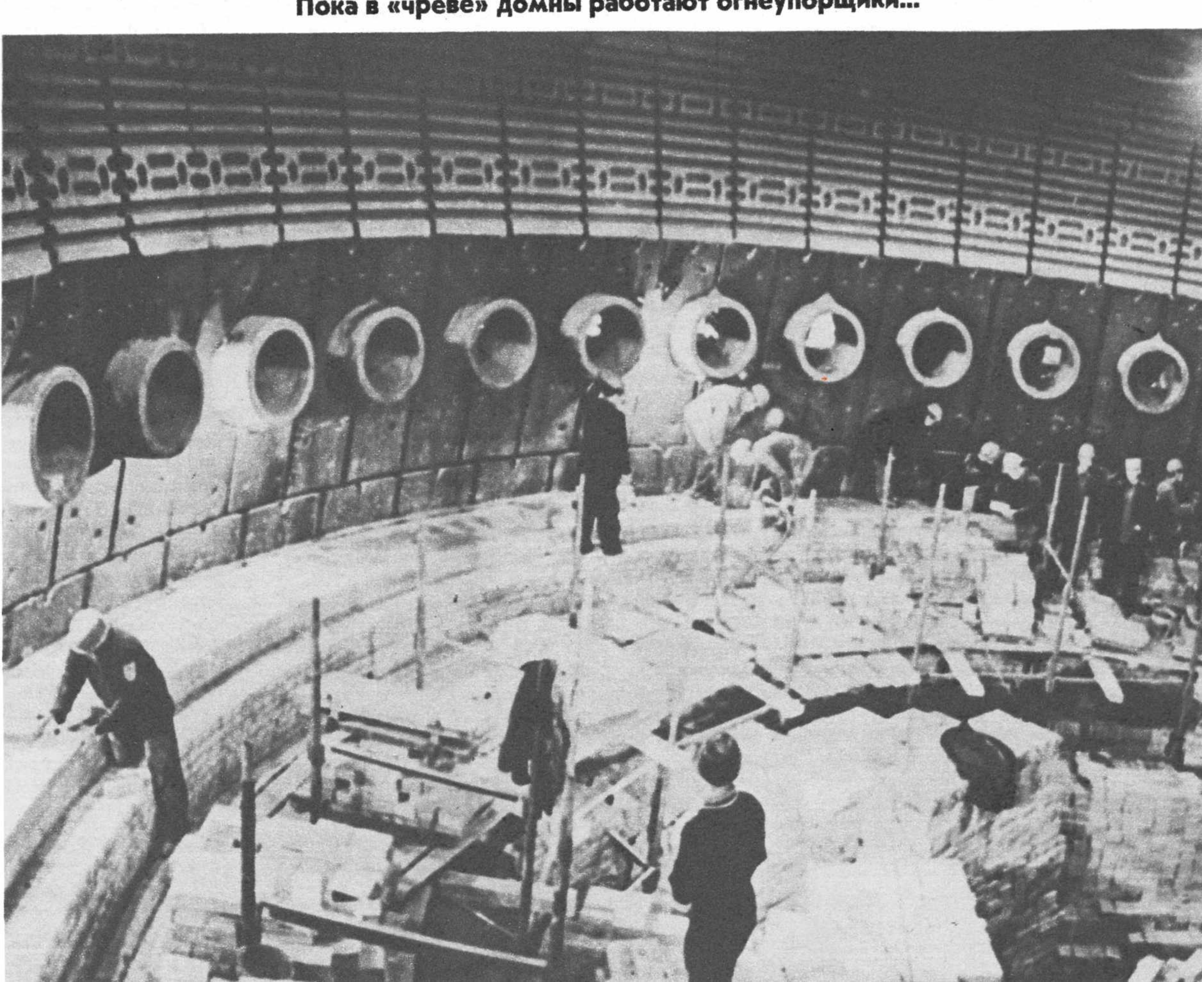
Что же делается внутри самой домны? Вот тот редкий случай, когда можно не только заглянуть в нее, но даже, согнувшись, полулежа, вкатиться на тележке в ее чрево. Не часто такое бывает!

...Посреди стоит чадящий черный короб с раствором, а вокруг при свете электрических ламп работают рядом с огнеупорщиками горновые. Они тщательно проверяют плотность укладки каждого блока. Иначе нельзя: если не заметить малейшую щелочку в футеровке, то может произойти взрыв.

На самом верху, на макушке домны, на отметке 87 метров работает бригада высотников-монтажников А. П. Матвиенко. Если у Наташи Изранцевой девятая криворожская домна — первая в ее жизни стройка, то у заслуженного строителя республики Матвиенко она энная по счету. Анатолий Петрович уже на пенсии, но «дед», как его любовно здесь все называют, не сдается, не думает уходить на отдых и задает высокий темп бригаде. Его бригада — главный конкурент давыдовской. Какая из них завоюет право зажечь факел победы домностроителей и вручить символический ключ, покажет время. Ждать осталось совсем недолго. И, вероятно, когда этот номер нашего журнала будет подписываться к печати, имя победителя станет известно.

...Четыре бригады горновых соревнуются за право стать первыми на вахту. Это скоро произойдет, и тысячи людей — все, кто строил, проектировал, изготавливал машины и агрегаты,— с гордостью смогут сказать: «Здравствуй, домна! Доброго тебе здоровья!»

Пока в «чреве» домны работают огнеупорщики...

СКАЯ

двухтысячной домне — 13,3 тысячи, на пятитысячной — 21,4 тысячи тонн металла в год.

— Вот чем хороша наша домна! Уникальность ее не только в производительности и величине, но и в принципиально новых инженерно-конструкторских решениях. У девятой новая система подачи и засыпки шихты, впервые создан подкомплекс для грануляции шлака и многое другое,— подвел итог Нетребко.

Кабинет начальника цеха расположен в давно уже обжитом, освоенном административно-бытовом корпусе комплекса. Над этим корпусом пламенеет световое табло. Оно, как стяг, поднятый в честь победителей соревнования стройки. Текст табло меняется каждое утро. Тогда оно напоминало: «До пуска домны осталось тридцать четыре дня. Лучших результатов вчера достигли...» и дальше называются управления и бригады. Табло, фотовитри-

КОКА ИГНАТОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Тбилиси. Утро. Ласковое шафрановое ноябрьское солнце. Жемчужная дымка над городом. Проспект Руставели. Сиреневая паутина теней на серой замше асфальта. Шорох бронзовых листьев. Осень. Сквозь густое кружево платанов рвутся шустрые солнечные блики. Они взбираются по мощным торсам кариатид, карабкаются по ювелирной вязи мавританских орнаментов, застревают в барочных завитушках, взлетают по гладким бетонным стенам модерных зданий, прыгают на лакированные спины автомашин... Тоннель перехода. Гулкий перестук шагов. Ступени. Праздничная колоннада. Арки. Винтовой нарядный пандус станции воздушной канатной дороги. Выход на площадку. Откуда-то сверху, из сияющей бездны вдруг вываливается красно-желтый вагончик. Веселые, оживленные пассажиры покидают пеструю ладью. Зазвенело большое колесо. Что-то зарокотало, и вмиг... под нами дома, дома, дворы. Убежала стройная башенка вокзала. Поплыли сизые дымы. Промелькнула серебряная колокольня. Далеко-далеко внизу — гостиница «Иверия», копошатся люди, движутся автомобили. Это неспешное парение над городом незабываемо. Тбилиси, подобный огромной чаше, будто покрыт эмалью, в которой тонкими линиями обозначены улицы, переулки, проспекты. Парение, полет... В эти минуты как-то необычайно ярко начинаешь чувствовать, понимать этот ни с чем не сравнимый город. Ведь мы проплываем рядом, совсем рядом с узорными террасами, черепичными крышами, балконами. Видим растворенные окна домов. Цветы. Играющих детей. Голубей, кувыркающихся в воздухе рядом с нами. Видим вечную, неумирающую жизнь. Город раскрывает нам свои теплые ладони. Еще миг, последнее вздрагивание стальной лодки. Мы у цели. Гора Мтацминда. Каменный барьер. В голубой дали внизу крыши, крыши, крыши... Высота. Рядом, стремглав рассекая воздух, проносятся острокрылые стрижи. Гудит, гудит, как гигантская раковина, Тбилиси, поблескивая всеми цветами радуги. Плывут легкие, как перышки, облака, окутывают верхушки телебашен. Звенит лазоревая высь осеннего неба. Широко, просторно раскинулись белые крылья новых кварталов столицы Грузии. Тают в лиловой дали горы. Узорной лентой вьется Кура. Скользят по крышам фиолетовые прозрачные тени.

Зал приемов в здании верхней станции фуникулера на горе Мтацминда. Большой, светлый. Во всю стену напротив огромного окна — роспись «Посвящение Пиросмани», работа грузинского художника Николая Игнатова.

«Посвящение Пиросмани». Шестьдесят квадратных метров живописи. Гигантский труд. Стоцветное марево. Словно само солнце пришло в гости к художнику и расцветило немую стену. Заставило роспись заговорить, запеть, засиять всеми колерами спектра. Но во всем этом буйстве, безудержном пиршестве красок, в кажущемся на первый взгляд случайным потоке стихии цветописи есть камертон — тонкий, своеобычный, определяющий лейтмотив грандиозного холста. Букет фиалок. Да, маленький букет фиалок в руках у веселого мальчишки-подростка. Он принес их, принес целую корзинку и, мило улыбаясь, предлагает нам. Фиалки... Символ весны, нежности, чистоты, надежды. «Посвящение» все пронизано фиалковой свежестью. Фиолетовые, сиреневые, лиловые колеры вкупе с бирюзовыми, лазурными, синими, сапфировыми, голубыми, лазоревыми и другими холодными тонами создают неповторимую основу величественной полифонии. И когда этому прозрачному миру мечты и небесных цветов вторят теплые, горячие краски земли — жаркая охра, сиена, густая умбра, звонкие золотые, оранжевые, червонные, багряные, розовые, пурпуровые, желтые, рубиновые, изумрудные, алые — пылающие цвета земной плоти, тогда мы словно слышим все голоса этого поистине космического хора поющих красок. Вслушайтесь в мнимое беззвучие цвета. Вглядитесь пристальней. Еще миг, и вашего слуха достигнет музыка старого Тбилиси. Вы услышите сонное бормотание Куры. Зазывное, немудреное, то грустное, то веселое пение шарманки. Крик петуха. Тихую мелодию свирели. Гортанные звуки песни загулявших кинто в широких шароварах и лихо заломленных фуражках. Звонкий голос молота, бьющего по наковальне. Лепет влюбленных, шорох листьев в садах. Глухой стук падающих спелых плодов. Цокот копыт по древней мостовой, скрежет мельничного колеса и ропот белопенных потоков, свергающихся с гор, визг ржавых уключин и глухой говор бубна. Вот заскрипела половица, вздохнула старая дверь, лязгнул железный замок, застучали каблучки по булыжнику, раздался звук поцелуя, тихий смех. Плеск весел. Звон стаканов. Шум застолья. И снова и снова протяжный голос органи — шарманки, которая то всхлипнет, то зарыдает, то захохочет. И вот этому завораживающему ритму подчиняется расходящееся кругами кольцевое движение света, цвета, звука. Недаром шарманщиков четверо. И вот они-то и создают широкое стереофоническое звучание холста. Им вторят барабан-доли, свирель-саламури, бубен-дайра, скрипка, зурна, дудуки... И снова до нас доносятся крики продавцов мацони, угольщиков. Ворчит, крякает, шумит Шайтан-базар. Рынок. Поют, поют девушки, и снова журчит, журчит Кура. Вечная музыка жизни, прекрасной, сладкой и горькой. Грохочут огромные винные бочки. Стонет ишак. Тихо, тихо потрескивает нагар на десятках горящих свечей. И над всем этим многоголосием, перекрывая крики горластых торгашей и духанщиков, над всем этим царством пестрых звуков мы все явственней слышим тихий, тихий стук сердца доброго Нико Пиросмани — мудреца и ребенка, самого нищего и самого богатого человека в старой Грузии, одинокого художника, этого Диогена Тбилиси начала двадцатого века, поэта, любившего людей, презиравшего роскошь и бесконечно ценившего свободу. Его муза, светлая, наивная, не знала лжи. Бездомный бродяга, дитя Кахетии, он познал всю горечь нищеты, но все же не было человека более счастливого, чем Нико. Ведь он владел безраздельно всем этим чудным и страшным миром, полным мрака и слез, света и радости. Творец и мыслитель, Пиросмани забывал все, когда наступал желанный миг и он натягивал на подрамник кусок обыкновенной черной клеенки. Тогда свершалось чудо. В какие-то считанные часы из глянцевитого мрака и тьмы клеенки на свет являлись люди и звери, сияло солнце, звучали песни. Словом, во всем сверкании и убожестве, во всей веселости и безотрадности перед нами представал славный и жестокий старый Тбилиси со своими тучными князьями и поджарыми кинто, краснолицыми духанщиками и веселыми девицами из Ортачала, милыми и наивными оленями и цыплятами, медведями и жирафами. Мы не видим лица Пиросмани. Но его тощая спина, острые лопатки бедняка говорят нам все. Нико пишет свой шедевр — «Девочку с шаром». И эта маленькая картина словно озаряет весь этот тесный, мощенный булыгой, крытый черепицей, пропахший потом и все же благословенный мир простых людей труда. Это они, взяв в руки свечи, славят подвиг мастера Пиросмани. Славят художника, окружив и взяв его под защиту. Рядом с Нико свежий хлеб — шоти пури. Лук. Живая рыба — цоцхали. Кувшин — доки — с вином. Скромный обед, а порою и ужин и завтрак нищего живописца. И снова и снова я чувствую аромат нежных фиалок, пронизывающий старый город волною свежести, надежды и весны.

Магический дар поэтической кисти Николая Игнатова заставляет забыть, что вы находитесь всего лишь в большом банкетном зале, что ноги ваши стоят на лакированном паркете. Вы смотрите, смотрите неотрывно на холст — и вдруг какая-то неведомая сила отрывает вас от паркета, поднимает, и мы летим, парим над старым городом. Под нами проплывают горбатые, узкие переулочки Майдана, мы зрим десятки, сотни людей, работающих, поющих, гуляющих, и вслед за нами летит вихревая, то заунывная, то зажигательная песня шарманки. Немудреная, бесконечно простая, задушевная. Талант Игнатова превратил нас в невидимок, и мы свободно парим над городом, то почти ступая на розовую черепицу крыш так близко, что физически ощущаем запахи, шумы, говор города, то взлетая высоко, и тогда под нами стремительно несет свои воды Кура, бушует Шайтан-базар, скачут белые кони, мчатся куда-то жених и невеста, бежит по туго натянутому канату молодой парень. То вдруг, воспрянув к самому небу, мы чуть не задеваем сияющий серп молодого месяца, и под нами проплывают залитые призрачным светом бугристые долины. Ощущение полета, свободного, раскованного, делает нас участниками этой удивительной сказки, по щедрости и многоцветью напоминающей лучшие страницы Шахерезады. Но в том-то неподражаемость творения Игнатова, что «Посвящение Пиросмани» не какой-то обобщенный сказочный мир старого Востока, который предстает перед нашим взором. Нет, бесконечно точен, предельно правдив и остр язык живописи молодого мастера. И несмотря на то, что на одном холсте живут рядом весна и осень, светит луна и солнце, несмотря на иные метафорические дерзости, допускаемые живописцем, мы все же зрим именно Тбилиси начала нашего века со всеми его заботами, радостями, с неуемным трудом народным, с минутами веселья, порою наивного, порою безудержного, шумного, полного терпкой остроты и неизменного добродушия. Чародей-живописец порою заставляет нас замедлить полет. И тогда мы отчетливей различаем тяжелые плоды в садах, сверкающих всей роскошью осенней палитры. Видим крутогорбые холмы и стада тучных овец. С невероятной остротой постигаем тайну труда хлебопека, кузнеца, рыбака. Еще мгновение, и перед нами предстает во всей своей чванливой скуке обрюзгшее лицо ювелира, менялы и ростовщика. Вот мимо нас медленно проплывает сидящий на высокой трубе малыш с горластым петухом в охапке, а рядом нашему взору открываются знаменитые тбилисские бани, и бойкий банщик приглашает нас. Молодой хлебопек протягивает горячее солнце свежего хлеба. Через минуту мы явственно ощущаем запах шашлыка. Под нами духан в садах Ортачала. И снова поет шарманка, и снова грохочет по булыжной мостовой фаэтон, набитый гуляками. Игнатов не дает ни на миг отдохнуть, он властно держит нас в плену своей фантазии, заставляет понять сложную и простую душу своего народа — трудолюбивого, рыцарски храброго и прямодушного, красивого и широкого. «Посвящение Пиросмани» открыло нам путь к самому сердцу старого Тбилиси. Мы будто заглян-

Н. Игнатов. Фрагмент росписи «ПЕСНЬ О ГРУЗИИ».

Эскиз декорации к опере Леонкавалло «ПАЯЦЫ».

На развороте вкладки: Фрагменты росписи «ПОСВЯЩЕНИЕ ПИРОСМАНИ».

Н. Игнатов. «МОЙ СТОЛ».

Эскиз декорации к балету Б. Квернадзе «БЕРИКАОБА».

ли через магический кристалл в то неповторимое время, канувшее в Лету. Мы вспомнили певца того времени Нико Пиросмани и вместе с Николаем Игнатовым ближе познали уже ставший легендой мир. Мир, далеко не лучезарный и безоблачный, полный невзгод и лишений, драм больших и малых. Мир разбитых судеб и надежд. Мы вместе с художником полюбили простой люд старой Грузии, гордый и добрый, бесконечно гостеприимный и радушный, знающий цену хорошей песне и острому слову и главное — свято берегущий дружбу... Вся любовь и весь восторг живописца Николая Игнатова, все пристрастия этого талантливого мастера передались нам. И мы, счастливые, оканчиваем путешествие в прошлое. Чувство парения, полета не покидало меня, пока я рассматривал «Посвящение Пиросмани» на конечной станции фуникулера, высоко над городом. Это был мудрый расчет художника, заставившего нас повторить полет, на этот раз над старым Тбилиси. Не по воздушноканатной дороге, нет — на крыльях фантазии.

Кока. Так зовут все и в Тбилиси и в Грузии Николая Юльевича Игнатова. Кажется, что никому не приходит в голову, что он не юноша, что ему уже тридцать семь лет, что он лауреат Государственной премии СССР 1974 года за монументальные росписи «Песнь о Грузии» в Пицунде и «Посвящение Пиросмани» в Тбилиси, уважаемый художник...

Кока! Этим сказано все. А это значит, что он хороший, добрый парень. Чудесный друг. Товарищ верный и твердый. А главное, что он молод! Высокий, стройный, он очень подвижен и юн. И только ранняя седина да глаза, огромные, то задумчивые, то лукавые, то острые и жесткие, подсказывают нам, что перед нами характер сложившийся, недюжинный, яркий...

Мы идем с Кокой по Майдану — старому Тбилиси. Кривая улочка. Узкая. Горбатая, она еле ползет в гору. Блестит влажный булыжник. Фонари. Здесь, по этим древним камням бродил Нико Пиросмани. Узкий тротуар. Судачат соседки. Над ними шатер из бронзовых веток винограда. Резная решетка. За ней малыши учат уроки. На фоне закатного неба острые зубцы. Руины крепости Нарикалы. Стертые каменные ступени. Мы выходим на площадку у церкви Бетлени.

— Вот мой старый город!—восклицает Кока. И спрашивает вдруг:— Похоже?

Внизу панорама. Розовые, красные крыши. И снова я вижу теплые ладони города, раскрытые, готовые принять тебя. На фоне темной зелени оранжевые, золотые тяжелые плоды хурмы. Сады, сады. Тишина. Где-то внизу зажигает первые огни огромный город, шумят машины. Здесь островок старины.

— Немало было курьезов со мной, когда я писал «Посвящение Пиросмани»,— вдруг проговорил Кока.— Ты не знаешь, как тбилисцы любят свой город. И вот я пишу, а ко мне подходит пожилой дядя и говорит, глядя на роспись в зале приемов: «Слушай, Кока! Где мой дом? Вот улицу я узнаю. Это улица Ираклия Второго. Вот ясно вижу соседский зеленый дом. Узнаю его. А моего дома нет, а он должен быть здесь, рядом».

И он показывает мне место. Долго я пытался его убедить, что эту улицу на панно я придумал. Что на самом деле ее нет, что это фантазия.

Он ушел разочарованный и разобиженный.

Еще один из многих зрителей, приходивших каждый день поглядеть, а заодно и посоветовать мне, как писать,— продолжил рассказ Кока,— сделал мне серьезный упрек.

«Разве Кура такая изумрудная? — сказал краснолицый толстяк.— Она ведь совсем другого цвета, более тусклого».

Я пообещал ему пойти и поглядеть на Куру. Хотя точно знал, что в моем любимом городе река Кура должна быть именно такая — бирюзово-изумрудная.

Но совсем невероятной была встреча со зрителем, который назвался поэтом. Он был молод, хмур и небрит. Окинул глазами уже почти совсем оконченную роспись и мрачно спросил:

«Где кладбище? Почему не вижу?»

Я, наверное, растерялся. Помню, что молчал. И он ушел, уверенный, что кладбище будет.

Я писал «Посвящение Пиросмани» больше года. Много, очень много людей перевидел и очень благодарен им за добрые советы. Хотя не обходилось и без юмористических сценок.

Как-то в большой зал приемов, где я писал, пришел знакомый буфетчик. Был жаркий день, и он все время вытирал пот.

«Кока, ты мне друг?» — взял он сразу быка за рога.

Я со всем свойственным мне пылом заверил его в вечной дружбе.

«Нет! — печально воскликнул буфетчик и вытер пот.— Почему ты не нарисовал духанщика с моим лицом на твоей большой картине?» Он снова достал платок и долго не отнимал его от глаз.

Я пытался растолковать ему, что из всех сотен людей, которых написал на картине, нет ни одного с портретным сходством. Что все они мною придуманы.

«Только теперь я понял, что ты мне не друг, Кока. Тем более ты должен нарисовать мой портрет на этом холсте. Я ведь старый тбилисец. Сколько лет сижу в буфете...»

Эх,— подумал я,— родился бы ты раньше, старый добрый Пиросмани с удовольствием запечатлел бы тебя с кувшином вина в руке...

Солнце село. Мы брели по горбатым улочкам Майдана. Теплый оранжевый свет струился из окон домов и красил старый булыжник. Навстречу нам шел молодой парень, он напевал немудреную песенку. Шаг его был размашисто широк. Под мышкой он нес круглый свежий хлеб.

Я вспомнил немедленно роспись Коки Игнатова и его веселого пекаря, предлагавшего нам вот такой, только что выпеченный, еще горячий хлеб. Кока мгновенно остро посмотрел на меня, на проходившего парня с хлебом и спросил:

— Похож?

— Да,— ответил я, пораженный.

Мы провели с Кокой Игнатовым пять дней. Он сделал все, чтобы я мог понять душу Тбилиси, его родного города. Мы посетили с ним замечательный Музей искусств Грузинской ССР, где долго любовались шедеврами искусства, хранимыми в «сейфе»,— древними иконами, росписями и чудесными перегородчатыми эмалями. Долгие незабываемые часы пролетели как мгновения, когда я впервые увидел изумительные картины Пиросмани. В музее был ремонт, и мне посчастливилось рассматривать клеенки великого Пиросмани, стоящие у стен, в тишине. Надо было видеть глаза Коки, когда он глядел на работы Нико...

Потом мы ездили в Мцхету, поднимались по священным ступеням Джвари, посетили знаменитый храм в Атени, где я увидел в росписях, фресках истинные истоки творчества Игнатова. Мы часами разговаривали с ним об искусстве. Кока вспоминал с благодарностью Тбилисскую академию художеств, в которой, по его словам, жил «дух Лансере», великолепного художника и тонкого педагога. Он вспоминал его прекрасные слова о мастерстве, о реализме.

Лансере... В следующем году исполняется сто лет со дня рождения этого крупнейшего советского живописца, рисовальщика, монументалиста. Художник эмоциональный, мастер огромной культуры, он ощущал кризис, наступивший в монументальной живописи. Его не устраивала царившая в то время ходульность, парадность, примитивность, а порою просто безвкусица. Драгоценное наследие истинной реалистической школы, которым владел Лансере, позволило ему и таким выдающимся русским мастерам, как Кустодиев, Кардовский, Юон, Грабарь, передать свои знания, опыт новой поросли советского искусства. Неоценимы годы педагогической работы Лансере в Тбилиси в академии художеств.

Вот строки из его высказываний об искусстве. Они сегодня звучат особенно современно, ибо раскрывают принципы развития монументальной живописи.

«Монументальная живопись,— пишет он,— требует законченности и ясности каждой формы. Таких недосказанностей, которые легко сходят в станковой картине, в монументальной живописи нельзя допустить...

Для меня бесспорно, что реализм, как основной принцип искусства, был и остается той живительной почвой, землей, прикосновение к которой давало и дает искусству, как Антею, новые и новые силы».

Монументальная живопись... В наши дни это вид искусства, перед которым раскрыта величественная перспектива развития. Но нельзя не сказать, что именно понятие монументальности иногда трактуется некоторыми художниками, как некое упрощение, огрубление формы, обеднение цвета, сведение сюжета к ложно плакатным решениям.

В этом свете искусство Николая Игнатова является блестящим примером глубокого, художественного осмысления темы, тонкого пластического выражения, необычайно верного прочтения традиций национального искусства Грузии.

В становлении дарования Николая Игнатова большая роль принадлежит ученику Лансере — Серго Кобуладзе, выдающемуся мастеру, блестяще владеющему формой. Его композиции «Витязь в тигровой шкуре», «Слово о полку Игореве» входят в золотой фонд нашего советского искусства.

В один из вечеров Кока сказал мне торжественно:

— Сегодня мы поедем к одному из моих учителей.

Мастерская художника Серго Кобуладзе. Необъятный мир мечты и ремесла. Счастья и забот. Взлетов и падений. На стенах орлиный профиль Данте работы мастера, листы иллюстраций к «Витязю», «Слову о полку Игореве».

— Кока всегда был хорошим студентом, отличным парнем,— говорит Кобуладзе.— Ведь я был в ту пору директором академии, и мне было все виднее... Знаете, я ведь за ремесло. Зная ремесло, можно стать мастером. Кока мне верил и много работал, и вот видите, ремесло ему не повредило, и сегодня талант Игнатова расцвел. Сегодня он сложившийся мастер. Я показывал ученикам рисунки Леонардо и Рафаэля, пытался раскрывать перед ними законы их гениального мастерства, их удивительное умение ювелирно рисовать детали, но главное, не забывать видеть общее. Меня волнуют вопросы школы, я изучаю каноны античных мастеров. Ведь греки обладали не только гениальным даром гармонии, ритма, пропорции, они владели системой, которая контролировала строго их дарования. К сожалению, в наши дни мы забыли их каноны. Я взял на себя смелость восстановить многое из утерянного. Ведь именно сегодня так нужна твердая система, школа. Сейчас модно «ничего не уметь», но ведь это, поверьте, самое простое. Быть Фидием, Праксителем, Мироном куда сложнее.

Мне нравится и «Песнь о Грузии» и «Посвящение Пиросмани»,— заканчивает Кобуладзе,—потому что в этих росписях виден полет фантазии, тонкий вкус, облеченный в крепкую форму. В этих работах чувствуется рука настоящего мастера, знающего, чего он хочет, умеющего это сказать языком высокой пластики...

Великий русский художник Илья Ефимович Репин в конце прошлого века, в 1897 году, выступил с большой статьей «Нужна ли школа искусств в Тифлисе?», которая была опубликована в 7-м и 8-м номерах газеты «Кавказ». В этой статье Репин доказывает необходимость развития и поощрения национального искусства. «Надо пожелать им,— писал он,— побольше самобытности и смелости... Пусть каждый край вырабатывает свой стиль и воспроизводит свои излюбленные идеи в искусстве по-своему, уверенно и искренно, без колебаний, без погони за выработанными чужими вкусами». В конце статьи Репин выражает веру в то, что «художественная пора Кавказа впереди».

Ровно через четверть века, в 1922 году, молодая Советская власть открыла в Тбилиси академию художеств, где грузинские, русские художники рука об руку работали, учили, воспитывали молодежь.

Прошло еще полвека... В наши дни грузинское искусство переживает подлинный Ренессанс. Широко известны великолепные произведения грузинского декоративного и монументального искусства, поражающие своей красотой, колоритом, блестящей чеканной формой. Среди имен лучших мастеров, составляющих подлинную гордость нашего советского многонационального искусства, по праву звучит имя Николая Юльевича Игнатова. Коки Игнатова...

Чем больше ответов, тем больше вопросов... Академик В. Энгельгардт с сотрудниками своей лаборатории Л. Киселевым и Л. Фроловой.

ЛЮДИ
БОЛЬШОЙ
НАУКИ

ВЫСШИЙ

Научный семинар в лаборатории Б. Готтиха (третий справа).

В этом царстве стекла стремятся понять, как строится белок.

Фото Е. УМНОВА.

ДАР

В коридоре регламент не ограничивается... Слева направо: В. Носиков, О. Поляновский, Е. Северин.

В декабре этого года директору Института молекулярной биологии Академии наук СССР Герою Социалистического Труда академику В. А. Энгельгардту исполнилось 80 лет, а созданному им институту — 15. С просьбой рассказать о юбилярах редакция обратилась к одному из ближайших помощников Владимира Александровича, заместителю директора института по науке, доктору химических наук Б. П. Готтиху. Известный исследованиями химических механизмов биосинтеза белка, Борис Павлович работает в институте почти со дня его основания.

Если вам посчастливится встретиться с Владимиром Александровичем Энгельгардтом, вы увидите высокого, подтянутого и совершенно седого человека. Уже через несколько минут он и сам увлечется беседой и увлечет вас. Поразит неисчерпаемой эрудицией, широтой интересов, глубиной знаний, и все это без ноток наставника, пророка, изрекающего неоспоримые истины. Скорее всего, о чем бы ни шел разговор, вы услышите вопрос: «А как вы думаете?» — и увидите устремленный на вас взгляд внимательных, слегка улыбающихся голубых глаз. Он будет очень доволен, если ваш ответ совпадет с его мыслями, задумается, если услышит какую-то неожиданную, не предугаданную им формулировку (и вовсе не станет сразу ее отвергать), только не отвечайте на его вопросы «не знаю», потому что после нескольких таких ответов он потеряет к вам всякий интерес. Настоящий исследователь, Владимир Александрович признает только тех, кто не складывает руки с бессильным «не знаю», а старается понять: «что? как? почему?».

Академик В. А. Энгельгардт — из числа первопроходцев, людей, которые выбирают для себя непроторенные пути на главных магистралях науки. В тридцатых — сороковых годах он, бывший военврач 1-й Конной армии, стал автором выдающихся открытий в области биохимии. Его работы по исследованию процессов, связанных с путями образования химических аккумуляторов энергии в живой клетке—молекул АТФ (аденозинтрифосфорной кислоты), и открытие (совместно с Милицей Николаевной Любимовой) химического механизма, лежащего в основе мышечного движения, стали классическими и образуют наряду с другими открытиями такого же значения фундамент современной биохимии.

Он мог бы спокойно пожинать лавры, многие десятилетия развивать и детализировать свои первые, сразу же принесшие ему мировую известность работы. Но в конце 50-х годов, в очень трудные для нашей биологии годы, В. А. Энгельгардт пробивает создание института (радиационной и физико-химической биологии, затем переименованного в Институт молекулярной биологии), главным направлением которого становится исследование физико-химических основ важнейших проявлений жизнедеятельности. Именно в это время особенно бурное развитие получают исследования проблем передачи наследственных признаков и биосинтеза белков — двух важнейших процессов, в конечном счете определяющих существование и развитие всех форм жизни — от бактерий до человека. Так закладывались основы развития в нашей стране научного направления, известного сегодня под звучным именем молекулярная биология. Известного, общепризнанного, одного из ведущих — сегодня! Но тогда, пятнадцать лет назад, слова «ген» не признавали, а термин «молекулярная биология» отвергали очень многие, даже весьма известные биохимики. Представьте, какой нужно было обладать энергией и настойчивостью, чтобы в подобных условиях создать такой институт.

Владимиру Александровичу было в ту пору 65 лет — по законным понятиям, пенсионный возраст! А ему мало и института: в 1962 году он организует Научный совет по проблемам молекулярной биологии, спустя еще пять лет под его руководством начинает издаваться журнал «Молекулярная биология». И еще через два года группа сотрудников руководимой им лаборатории: доктор биологических наук (ныне академик) А. А. Баев и кандидаты наук (сейчас все они доктора наук) Т. В. Венкстерн, А. Д. Мирзабеков и Р. И. Татарская — удостаиваются Государственной премии за расшифровку первичной структуры одной из нуклеиновых кислот.

Казалось бы, можно и успокоиться, но В. А. Энгельгардт берется за дело, в успех которого тогда, честно говоря, мало кто верил. В 1972 году он объединяет несколько групп исследователей Советского Союза, ЧССР и ГДР для работы, получившей название проект «Ревертаза». Цель проекта сводилась к тому, чтобы научиться выделять, исследовать и использовать для различных целей белок-фермент (условно называемый ревертазой), играющий очень важную роль в процессе злокачественного перерождения клеток. К тому времени работы такого рода проводились лишь в нескольких лабораториях США, и только настойчивость В. А. Энгельгардта, только его энергия смогли обеспечить успех. Уже в 1973 году наши ученые получили этот фермент и с его помощью провели эксперименты, итоги которых с легкой руки журналистов получили освещение под броскими заголовками «Синтез гена».

Серьезнейшие задачи — и обязательный каждый раз успех. Что это, везение? Нет, умение!

Умение — и неустанный, непрекращающийся труд. Рабочий день академика В. А. Энгельгардта длится обычно до 7—8 часов вечера. Чаще всего «прихватывается» суббота, иногда и воскресенье, когда в институте не так шумно и можно спокойно посидеть в кабинете, подумать, подготовиться к следующей неделе. Он вообще очень любит свой институт — и в многоголосии будней и в тишине выходных дней.

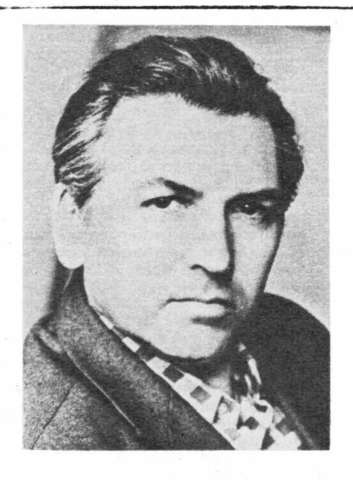
В основу организации института был положен принцип комплексного решения современных проблем биологии, и на работу в биологический институт в первую очередь приглашались физики и химики. Перед ними не ставилась задача обслуживания биологов (приборами, синтезом препаратов); главное, что они должны были сделать,— понять биологические проблемы и найти пути их решений с позиций химии и физики. Организация такого института была почти экспериментом, потому что физики были «чистыми» физиками, а химики — «чистыми» химиками, и им предстояло в короткий срок найти общий язык с биологами. Сплавить мудрость старших с задором молодых, сделать так, чтобы биохимики, физики, химики работали сообща над одной проблемой, снять ведомственные интересы специалистов разного профиля, сохранив лаборатории фактически лишь как формальные структурные единицы,— согласитесь, что это нелегко.

В чем же секреты успехов В. А. Энгельгардта? Мне кажется, их два. Первый давно уже раскрыл сам Владимир Александрович: «Существо научного творчества, как я его себе представляю, ...в самом первоисточнике его, есть результат врожденной, физической потребности человека, результат некоего инстинкта, ощущаемого так же властно, как потребность птицы петь или стремление рыбы подниматься против течения бурной реки... Способность к творчеству — это высший дар, каким наградила природа человека на бесконечно длительном пути его эволюционного развития... Пытливость человеческого ума, потребность раздвинуть границы нашего знания окружающего мира — вот первооснова научного творчества».

Второй его секрет, по-моему,— постоянная способность быть молодым и не делать скидки на молодость. Это не парадокс: Владимир Александрович одинаково разговаривает и с заведующим лабораторией и с аспирантом. Разница между известным исследователем, облеченным разными степенями и званиями, и молодым научным сотрудником может быть в опыте, широте знаний, но не в серьезности подхода к решению той или иной научной проблемы.

Именно такая позиция определяет и линию отбора научных кадров в институте. Владимир Александрович не нянчится даже с самыми близкими сотрудниками, не создает им льготных условий, не поручает легких, но выигрышных тем. Если ты ученый — докажи это своим трудом, выбором задачи, решением проблемы; докажешь — честь тебе и хвала. Такая линия основана на полном доверии к молодым. Оно определило, в частности, выбор заведующего одной из лабораторий вместо ушедшего на пенсию профессора В. И. Товарницкого — его сменил совсем еще тогда молодой доктор наук Г. П. Георгиев. Сегодня работы члена-корреспондента АН СССР Г. П. Георгиева признаны во всем мире, он один из ведущих молекулярных биологов нашей страны. Совсем недавно возглавил лабораторию доктор химических наук А. Д. Мирзабеков. В институте он начал работать в 1961 году старшим лаборантом, спустя восемь лет стал лауреатом Государственной премии. Он своего рода «внук» В. А. Энгельгардта — бывший его руководитель, академик А. А. Баев, с гордостью считает себя учеником Владимира Александровича. Аспирантом академика В. А. Энгельгардта был и академик А. Е. Браунштейн, в лаборатории которого за годы существования института выросли и стали руководить научными подразделениями доктора химических наук М. Я. Карпейский, Е. С. Северин, Р. М. Хомутов. Под руководством В. А. Энгельгардта стал доктором наук Л. Л. Киселев, ныне заместитель своего учителя по лаборатории, руководитель научной части уже упоминавшегося мною проекта «Ревертаза». Назвать всех невозможно в одной короткой статье. Но все они достойные «дети научной семьи», выпестованной академиком В. А. Энгельгардтом.

А закончить эту краткую статью мне хотелось бы словами самого В. А. Энгельгардта: «Стало так привычно говорить, что вот такой-то отдал всю свою жизнь служению науке. Но правильно ли это? Не вернее было бы сказать, что там, где мы имеем дело с подлинным проявлением научного творчества, сама наука всю жизнь служила ученому источником высочайшего удовлетворения, самых глубоких радостных переживаний. Я это могу сказать, оглядываясь на долгий, лежащий позади путь, и я хотел бы вселить прочную веру в это во всех тех, кому такого рода путь еще предстоит, всей нашей научной молодежи, которая приходит нам на смену».

Юрий ВОРОНОВ

ПЕРЕКРЕСТОК

СЛЕДЫ

Если пройденный путь — победа,
То не только моя —
Двоих!..
Я иду
По чужому следу:
Как бы трудно пришлось без них!

След крупнее,
А шаг не шире:
Сил на большее, видно, нет...
Вдруг
Шаги его заспешили,
Вдруг теряется
Белый след.

Человек —
Ничком на снегу.
И его
Заметает ветер.
Я помочь ему не смогу!..
Что бывает
Страшней на свете?

ПОСЛЕ УРОКОВ

Идет обстрел —
И в раздевалке школьной
Ученикам пальто не выдают.
Усталые ребята недовольны:
Ведь добежать до дома
Пять минут!

А Галкины ресницы
Даже влажны:
На сутки с фронта
Брат пришел домой!..
...От этой школы
До окопов вражьих
Двенадцать километров
по прямой.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Они
Лежали на снегу
Недалеко от города.
Они везли сюда
Муку.
И умерли от голода...

* * *

Вновь озноб
Ледяной волной,
Будто ток, пробежит по телу,
Если кто-то
Передо мной
На снегу поскользнется белом.

Он, поднявшись,
Снежок стряхнет.
Ни о чем у меня не спросит...
А меня
На блокадный лед
Снова память моя
Отбросит...

* * *

Мертвые
Живых не упрекнут,
Если те
Смеются и поют.
Не осудят
Радостей людских,
Дней веселья,
Праздников любви...
Были бы они
Среди живых,
Та же жизнь
Гудела б в их крови.
Но бывает все же:
Им — венки,
А они
Сжимают кулаки...

ЖАРА В ЛЕНИНГРАДЕ

В то время, как на балтийском побережье сохранялась небывало жаркая погода, на Африку продолжали двигаться потоки холодного воздуха.

Из метеосводки.

Жарищею
Ветра — и те спалило,
Над головой застыли облака.
И невозможно
Разобраться было:
Течет
В какую сторону
Река?

От зноя мост
Крутую спину выгнул.
И бронзовые кони на мосту
Готовы от жары
В Фонтанку прыгнуть:
Вот только укротитель
На посту!
Из подворотен
Дует, как из печек.
Деревья бредят ветром
и дождем.
От духоты
Отгородиться нечем,
Как в ливень, тут не скажешь:
— Переждем...

Зной, кажется,
Намерен все расплавить,
А что нельзя расплавить —
испарить!..
Собаки
От жары не могут лаять,
Чирикать — птицы,
Люди — говорить.

В мою тетрадь
Слова
С потухшим взором
Стекают с пересохшего пера...
...А Африка, наверно,
В эту пору
Бросает небу тяжкие укоры:
— Когда же
Долгожданная жара?..

ДРУЗЬЯ

С одними —
За вечером вечер,
С другими —
Когда тебе плохо.
Они же
Готовы навстречу
По первому взгляду и вздоху.
Придут
По дождю и по снегу,
Негаданно, вроде нежданно,
Как звезды, упавшие с неба.
И смотришь:
Как не было раны.

За встречей — разлука,
Пока ты
Им вновь о себе не напомнил...
Ты с ними
Был самый богатый,
Но этого
Так и не понял!..

ОПОЗДАНИЕ

Прибежала минутой позже,
А его —
Будто вихрь унес.
Хорошо, что ударил дождик:
На лице
Незаметно слез.

Плачет девочка,
Тихо плачет.
И не может пока понять:
Небольшая
Была б удача —
В этот вечер не опоздать.

* * *

Расулу Гамзатову.

Творец
Луга и горы создал,
Придумал осень и весну,
В ночное небо
Бросил звезды,
Любовь дал жизни,
Хмель — вину.

Довольный,
Вытер капли пота.
А черт с усмешкой
Тут как тут:
— Больша-а-я
Сделана работа,
Но сомневаюсь, что поймут!..
Тогда,
Чтоб знали все аулы,
Как в этом мире хорошо,
Творец воскликнул:
— Быть Расулу!..
И, успокоенный, ушел.

У КОСТРА

Трое нас. К исходу дня
Подытожил,
Что двоим не до меня:
Ну и что же?

Отойду от них к огню —
Не в обиде.
Может, что-то сочиню,
Если выйдет.

Буду ветки в дым кидать —
Тоже дело:
Кто-то должен наблюдать,
Чтоб горело...

ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК

В жизни каждого поколения людей случаются дни, оставляющие неизгладимый след.

Для наших дедов это было 25 октября 1917 года, для наших отцов — 9 мая 1945-го.

Для нашего поколения таким днем стало 12 апреля 1961 года.

История провидчески выбирает своих героев. Конечно, те, кто готовил прорыв человека к звездам, могли остановить свой выбор и на ком-то другом, не на Юрии Гагарине. Но теперь это кажется абсолютно невозможным.

Весь облик, весь образ Гагарина до мельчайшей черточки совпадает с представлением о достойнейшем сыне нашего века и нашего народа.

Ю. А. Гагарин писал: «Для полета в космос искали горячие сердца, быстрый ум, крепкие нервы, несгибаемую волю, стойкость духа, бодрость, жизнерадостность. Хотели, чтобы будущий космонавт мог ориентироваться и не теряться в сложной обстановке полета, мгновенно откликаться на ее изменения и принимать во всех случаях только самые верные решения».

Таких нашлось немало — целый отряд будущих космонавтов. Понятно, что и среди них Юрий Гагарин выделялся по всем этим качествам, коль скоро именно на него пал выбор Государственной комиссии. Но, думается, было еще одно — решающее — свойство гагаринского характера, которое выделяло его в глазах самых придирчивых экзаменаторов и притягивало к нему все сердца.

Мать Юрия, Анна Тимофеевна Гагарина, заметила как-то: «Да вы посмотрите на Юрины фотографии — лицо у него всюду счастливое. Этим он и приметен...»

Этим он и приметен... Для того, чтобы в решающую секунду проявились все необходимые космонавту качества, нужны душевное спокойствие и подъем одновременно. На языке людей такое состояние называется счастьем.

Юрий Гагарин с малых лет очень хорошо чувствовал и сознавал, что он сын великой страны и великого времени, и был глубоко счастлив этим. И это же позволило ему стать родным и близким миллионам и миллионам землян.

Перед тем как подняться на лифте в кабину «Востока», Гагарин сделал заявление для печати и радио. Там были и такие слова: «Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновеньем...»

Новая книга о Гагарине — книга, глубоко проникающая и западающая в душу, так и называется: «Жизнь — прекрасное мгновенье».

Писатель и журналист А. Дихтярь собрал в ней рассказы десятков людей, лично знавших Юрия Алексеевича Гагарина, встречавшихся с ним в самые разные периоды его жизни и при самых различных обстоятельствах, и проследил прекрасные мгновения гагаринской судьбы со дня рождения в старинном русском городе Гжатске до трагического мига — 10 часов 31 минуты 27 марта 1968 года...

Книгу эту берешь, читаешь, любуешься собранным в ней богатством фотографий с чудесным волнением: разворачивающаяся на наших глазах судьба Гагарина — это сама история наша, наша гордость. И это гордость всего человечества.

«Я полз по мерзлой земле от деревни Большая Береза до лесу — один километр — восемь часов. И за это время стал седым,— писал Юрию Гагарину участник войны Валентин Иванович Дубровин.— Это нужно было для Родины, для победы. Я склоняю свою седую голову перед тобою, Юрий!»

«Позвольте мне, французскому летчику полка «Нормандия—Неман», сражавшемуся плечом к плечу с русским народом против общего врага — германского фашизма,— писал Гагарину Франсуа де Жоффр, офицер ордена Почетного легиона, кавалер ордена Красного Знамени, автор книги «Нормандия—Неман»,— выразить Вам, сколь я горд и счастлив, что именно советский человек первым открыл во всю ширь мирный путь в космос...»

Благодаря вдумчивому и бережному авторскому «монтажу» из этих многоликих оценок и фактов, из массы отдельных деталей, зачастую мало или совсем не известных широкому читателю, предстает живой и незабвенный, цельный и яркий образ «дорогого нашего человека» и дела, которому он служил столь самоотверженно и беззаветно. Невозможно передать здесь все вошедшие в книгу рассказы и воспоминания родных Юрия Гагарина, его учителей, его друзей и товарищей, руководителей космических исследований, организаторов и участников запуска «Востока-1» и еще многих других, самых разных людей. И все-таки напоследок хочется привести два свидетельства.

Одно — о том, как дорог и любим был в нашей стране Юрий Гагарин.

В июле 1967 года Гагарин гостил в Вешенской у М. А. Шолохова. «Провожая космонавта, Шолохов снова обнял его, как сына. Последние слова Михаила Александровича врезались в память:

— Ты уж побереги себя, Юра... Помни — ты нам очень нужен... Всем нужен...»

И еще одно свидетельство — человека, который по роду своих занятий знал Гагарина, быть может, лучше всех,— врача отряда космонавтов Евгения Анатольевича Карпова:

«Послали, однако, его, Гагарина. Выходит, он был лучшим из лучших? Проще всего сказать: «Да». Но ведь я уже упомянул, что и другие могли... Дело в том, что для первого полета нужен был человек, в характере которого переплеталось бы как можно больше положительных качеств. И тут были приняты во внимание такие неоспоримые гагаринские достоинства:

Беззаветный патриотизм.
Непреклонная вера в успех полета.
Отличное здоровье.
Неистощимый оптимизм.
Гибкость ума и любознательность.
Смелость и решительность.
Аккуратность.
Трудолюбие.
Выдержка.
Простота.
Скромность.
Большая человеческая теплота и внимательность к окружающим людям.
Таким он был до полета. Таким он встретил свою заслуженную славу. Таким он остался до конца».

Д. ИВАНОВ

Жизнь — прекрасное мгновенье. Автор документальной композиции А. Дихтярь. М., «Молодая гвардия», 1974, 320 стр.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. КОТОВА

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ

Неутомимым тружеником Советского комитета защиты мира, его бессменным ответственным секретарем вот уже двадцать четыре года является Михаил Иванович Котов.

Михаилу Котову, члену Всемирного Совета Мира, участнику многих международных встреч и конгрессов, за активную деятельность в движении сторонников мира присуждена почетная Золотая медаль, носящая имя великого ученого Ф. Жолио-Кюри.

Михаил Котов известен нашей общественности и как автор ряда интересных книг и многих очерков о героях Отечественной войны, участниках боев на Сталинградском, Юго-Западном и Южном фронтах, где он был военным корреспондентом.

На Юго-Западном фронте Котов находился в одной бригаде вместе с любимым миллионами читателей писателем Аркадием Гайдаром. А сегодня стала популярной среди нашего многомиллионного юношества яркая повесть о Гайдаре «Всадник, скачущий впереди», написанная Котовым вместе с бывшим военным корреспондентом «Комсомольской правды» В. Лясковским.

Михаил Котов первым рассказал о героях-молодогвардейцах в документальной повести «Сердца смелых».

Тот, кто знает, что такое война, фронт и смертельная схватка с врагом, тому известно и то, что невозможно описать сражение, если не быть его участником или хотя бы свидетелем этого сражения. Но свидетелей на передовой не бывает! Михаил Котов все годы Отечественной войны находился на самых горячих участках фронта. Поэтому такими живыми и правдивыми предстают герои его очерков и повестей.

Недавно вышла новая повесть М. Котова и В. Лясковского «В ту суровую осень», уже получившая широкое признание читателей и нашей критики.

Несмотря на то, что Михаилу Котову исполняется шестьдесят лет, он по-юношески горяч, полон энергии и задора.

Георгий МДИВАНИ

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

ГОРОДОК НА ОКЕ

В родном городке на Оке Андрей Владимирович Щербаков, начальник главка Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, не был без малого сорок лет. Каждый год собирался поехать, да все не удавалось выкроить время, не получалось как-то. Сказать по правде, смущало и то, что не осталось у него в родном городе ни родных, ни близких. Он знал, что где-то там, на зеленом Троицком кладбище, которое помнил с детства, под тремя старыми липами нашли последний приют его отец и старший брат. А вот где тогда, в сорок втором, похоронили мать, ему так и не удалось узнать. И ехать-то надо было всего ничего — одни сутки (правда, с пересадками, на трех поездах), и на душе было бы спокойней, но на сборы ушли годы...

И все-таки он собрался. Проснувшись в один, как говорится, прекрасный день, положил в портфель пару чистых рубашек и на Курском вокзале сел в первый же поезд, шедший на Орел.

Сидя у окна, за которым вставали знакомые и незнакомые места, он прислушивался к тому, как колеса поют свою однотонную песню, верил и не верил тому, что едет, и вспоминал, вспоминал... И что-то шептал про себя, словно пытался унять внезапно участившееся биение сердца или рассказать самому себе об этих захватывающих дыхание минутах.

...Мчится поезд, стучат колеса... На узком столике в стакане дрожит недопитый чай... Жарко... Бьют наотмашь солнечные лучи; под откос насыпи падает и, падая, несется вперед переливающаяся в густой траве тень поезда.

...Ты смотришь в окно, Андрей? Смотри лучше: это твой городок встает впереди, весь в туманной дымке, в садах и огородах, близкий и родной. Ты здесь родился и вырос, окончил среднюю школу, отсюда семнадцатилетним пареньком ушел в большую жизнь. Сколько же лет прошло с того дня, когда поезд тридцать пятого года унес тебя из родных мест? Кажется, это было вчера. Ну, конечно же, вчера...

А за окном вагона уже бегут, наклонившись, пыльные станционные тополя. Ты торопливо прячешь в портфель нераскрытую книгу, и сердце твое раскалывается на части, словно яблоко под ударом ножа.

Ты видишь стайку девушек в цветастых платьицах, разглядывающих пассажиров, выходящих на перрон. Но не их любопытные взгляды занимают тебя.

Кажется, ты ждешь, что вот-вот и перед тобою возникнет только одно лицо, вспыхнут одни глаза — усталые глаза высокой, седеющей женщины в скромной, старомодной одежде и темном шерстяном платке на плечах. Торопливо, как провинившийся школьник, ты пойдешь ей навстречу, и протянешь руки, и срывающимся голосом скажешь:

— Мама!.. Здравствуйте!.. Это я, ваш Андрей...

Но мамы нет. И не может быть. И встреча с ней, какой ты хотел, чтобы она была, все эти сорок лет,— это всего лишь игра воображения.

...Мать Андрея Владимировича умерла в феврале 1942 года в подвале той самой церкви в селе Мишенском, где она когда-то венчалась, в трех километрах от города. Гитлеровская часть, удерживавшая высоту с расположенным на ней селом, загнала сюда всех оставшихся в живых городских и сельских жителей. Там, в невообразимой тесноте и постоянном страхе, женщины и дети пережидали бои, питаясь кормовой свеклой и капустой, заложенными сюда на зимнее хранение еще до оккупации. Жили, больные и здоровые, рядом с трупами умерших в течение нескольких недель, пока немцы не были выбиты из здешних мест.

Сестренка Андрея и младший брат, трехлетний карапуз, находившиеся при матери, остались живы, сама же мать скончалась за несколько дней до прихода наших солдат. После того как сирот вывезли из прифронтовой полосы и определили в детский дом где-то под Владимиром, они так же, как и Андрей, разыскавший их после войны, никогда не были на родине. Впрочем, мало что и осталось у них в памяти о тех местах. Они помнили разве только мать, ее руки, совавшие им в рот измельченную сырую капусту, и искаженное страданием ее уже застывшее, восковое лицо. Кто и где ее похоронил, они не знали да и знать не могли. Судя по всему, не знали этого и отец и старший брат, вернувшиеся из армии в родной городок и жившие здесь вдвоем до самой своей кончины. Правда, отец что-то рассказывал при последней встрече в Москве о захоронении всех погибших во время оккупации, но со слов соседей, которые, в свою очередь, рассказывали ему об этом с чужих слов.

Теперь младшему было за тридцать пять, он работал главным врачом хирургического отделения в одной из клинических больниц столицы. А сестра — она была постарше — уже лет двадцать жила на Дальнем Востоке, заведовала учебной частью педагогического института. Семьи у них были крепкие, дети — здоровые. Как ни трудно прошло их послевоенное сиротство, все тяжелое осталось позади, растворилось во взрослых заботах, огорчениях и радостях.

...Андрей Владимирович прошел через вокзал, показавшийся ему знакомым, и вышел на привокзальную площадь. Отсюда, помнилось ему, к главной улице города вела тополевая аллея. Но аллеи не было. И когда-то поросшая густой травой площадь была залита асфальтом, а влево и вправо уходила широкая улица, вдоль которой стояли рослые березки. На площади, у самого входа на вокзал, теснились грузовые и легковые машины.

— Друзья,— обратился Андрей Владимирович к стоявшим кучкой шоферам,— в городе есть гостиница?

— А почему бы ей не быть? — ответили ему.— На Тульской, десять минут ходу...

В гостинице он не задержался. Весь вечер, до темноты, Андрей Владимирович бродил из улицы в улицу, по выщербленному асфальту узких тротуаров, по пыльным дорожкам старого парка, раскинувшего на высоком берегу Оки густые кроны своих лип и кленов, по немощеным тропинкам окраинной слободы и узнавал и не узнавал их.

Медлительной, сытой поступью брели домой коровы и козы. На покосившихся лавочках у ворот, затягиваясь папиросным дымком, неторопливо беседовали старожилы. Подымая пыль, издавая воинственные крики, пробегали мимо босоногие малыши. Измученный шофер на перекрестке двух улиц выводил грузовик из вековечной лужи. Высоко в воздухе стремительно несся самолет.

Вернувшись в гостиницу и наскоро перекусив в буфете, Андрей Владимирович долго не мог заснуть. Свою первую прогулку по родному городу он назвал про себя «пыткой воспоминаниями». Так, пожалуй, оно и было.

Городок во время войны был, видимо, основательно разрушен. Его главная, Тульская улица вся состояла из новых, хотя и построенных в разное время зданий. Сохранились лишь большие серые камни на перекрестках, обмытые дождями валуны, — он узнавал их и растерянно улыбался, словно встречал старых, полузабытых друзей.

На одном таком перекрестке на угловом здании висела табличка с надписью «Георгиевская улица». Но прежде, чем он повернул на эту улицу, где он когда-то жил, в его сознании снова возникло лицо матери. Ему показалось, что даже голос он слышит: «Андрюша, уже поздно, быстро домой!» Он поднял голову, взглянул вдоль улицы и замер. Не было впереди, с правой стороны, знакомого деревянного домика с широкой завалинкой, под зеленой крышей. Не было и забора, заслонявшего с улицы яблоневый сад. Не было высоких островерхих ворот с постоянно дребезжавшей калиткой. И вообще ничего не было из того, что он помнил и любил. Один за другим и слева и справа уходили в глубь улицы белые трехэтажные коттеджи, построенные будто одной рукой. На месте, где когда-то стояла Георгиевская церковь, возвышался большой четырехэтажный дом с широкими окнами и массивным парадным входом в самом центре его нижнего этажа. И только деревья перед всеми этими зданиями — толстенные ветвистые ракиты,— пожалуй, сохранились от старых времен.

Он подошел к парадному входу четырехэтажного здания и с удивлением прочитал зеркальную вывеску: «Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР». Завод рентгеновской аппаратуры».

«Вот не ожидал,— подумал он.— Это вместо родного-то дома...»

Появление в его городке, на его улице столь квалифицированного предприятия, да еще относящегося к его ведомству, было достаточно неожиданным. Правда, главк был совсем другой, но все равно возникло желание побывать, познакомиться с заводом... «Надо ли? — раздумывал он.— Еще примут за ревизора... Нет, завтра утром иду на кладбище, потом — в школу, потом в Мишенское и — домой, домой».

В гостинице, получив ключ от своего номера, он спросил у дежурной, назвавшейся Любовью Петровной, пожилой, улыбчивой и словоохотливой женщины, носившей вроде бы не по сезону теплую красную кофту крупной вязки: давно ли построен этот завод на Георгиевской улице?

— Рентгеновский-то? — Она даже удивилась его вопросу.— Да лет пятнадцать назад... Хороший завод, у меня там дочь начальником цеха... Завод и улицу всю застроил, Георгиевскую-то, от нее после войны только головешки остались... Когда строили, хотели было переименовать, да передумали и решили: не важно, что святой, важно, что победоносец... А вы клуб заводской видели? Нет? А наш новый театр?..

Андрей Владимирович улыбнулся и, чтобы не обижать собеседницу, спросил: что же еще появилось в городе нового после войны?

— Как это? — воскликнула она, явно пораженная его неосведомленностью.— Да все, буквально все!.. Тормозной, сушильно-консервный, ремонтно-шинный, резинотехнический заводы: это же индустрия. А швейная, обувная, кондитерская фабрики... А жилье — вся Тульская, вся Георгиевская,— они же, считайте, от начала до конца новые... А до войны-то у нас что было: плодоовощной совхоз, пенькопрядильная фабрика, типография да баня — вот и вся экономика...

— Сохранилась ли школа Чернышевского? — спросил Андрей Владимирович и, как бы между прочим, добавил: — Я в этой школе учился когда-то...

— Так вы наш земляк! — искренне обрадовалась Любовь Петровна.— Сохранилась, сохранилась... Я эту школу окончила в сорок седьмом... Только ее тоже отстроили заново, от нее лишь коробка сохранилась... Обязательно сходите в нашу школу...

Андрей Владимирович помолчал минуту и, словно цепляясь за соломинку, приглушенно спросил:

— А вы об учительнице Щербаковой, Натали Георгиевне,— она математику и физику преподавала и жила с семьей на старой Георгиевской,— ничего не слыхали?..

Любовь Петровна задумалась. Нет, она ничего не знает об учительнице Щербаковой. Только почему он спросил именно о ней?

— Это была моя мать,— стараясь быть спокойным, сказал Андрей Владимирович.— Я ее могилу ищу...

Ранним утром следующего дня, наскоро выпив в гостиничном буфете стакан чаю, он пошел на окраину города, на Троицкое кладбище, и возле трех лип, стоявших в ряд, словно былинные богатыри на посту, без труда нашел скрытые густой, влажной от росы травой могилы отца и брата. Неожиданно для себя самого, закрыв глаза, склонился в поясном поклоне над невысокими холмиками: «Вечная вам память, дорогие!» Потом сорвал несколько цветков повилики и клевера, росших на могилах, положил их между страницами записной книжки и, постояв минуту, вышел за кладбищенские ворота...

— А мы вас поджидали, дорогой Андрей Владимирович! — сказал, крепко пожимая руку Щербакова, директор завода рентгеновской аппаратуры. Им оказался уже немолодой, седой человек — Илья Николаевич Кочерыгин. Андрей Владимирович вспомнил, что, пожалуй, уже встречал этого человека то ли на заседаниях коллегии министерства, то ли на каком-то совещании в соседнем главке.

— Вчера вас видел здесь кое-кто из наших товарищей,— с напускным радушием гремел Кочерыгин.— Знали, что зайдете... Не можете не зайти... Ну, здравствуйте, здравствуйте!..

Андрей Владимирович сразу же почувствовал крайнюю неловкость. «Людей от работы отрываю,— думал он, проходя в просторный директорский кабинет,— а у меня к ним и дела-то нет никакого».

— Простите, Илья Николаевич,— сказал он,— я здесь не по служебным, а, так сказать, по личным делам.

— Ну, где личное, там и служебное, так уж у нас повелось... Знакомьтесь, пожалуйста, это — секретарь нашего партбюро, это — главный инженер, это — главный технолог, а это — председатель месткома, наш профсоюзный вождь...

Неловкость, никчемность своего визита Андрей Владимирович чувствовал все те два или три часа, пока осматривал цеха, задавал вопросы и выслушивал ответы, потом угощался чаем с яблочной пастилой у директора в кабинете.

— Думается мне, Андрей Владимирович,— сказал ему Кочерыгин, когда подошло время прощаться,— что я знал вашего родителя. Помнится, до войны он работал в нашем депо,

а потом... потом ушел на пенсию?.. И брата вашего помню, хороший был человек, только болел часто после полученных ранений... Не знаю, где они сейчас...

— Где же им быть,— ответил Андрей Владимирович.— Я был у них сегодня... на Троицком кладбище.

— Да, да, вспоминаю,— смутился Кочерыгин.— А матушка ваша, позвольте узнать?..

— Она погибла в войну... Вот только где похоронена, не знаю...

— Как же так?.. Как же так? — засуетился Кочерыгин и, видимо, по привычке потянулся к телефону.

Андрей Владимирович стал прощаться.

Он вышел с завода в подавленном настроении: «Зря передумал, не следовало сюда заходить». По тротуару под разросшимися ветвистыми ракитами он дошел до перекрестка, постоял в раздумье у знакомых с детства серых валунов на углу и, решив немного отдохнуть, направился в гостиницу.

В вестибюле гостиницы ему навстречу бросилась Любовь Петровна.

— Ах, Андрей Владимирович, а мы-то с утра вас ищем! Пойдемте скорее в нашу школу. Я у ребят-следопытов была, они вас ждут. Кажется, они знают кое-что о вашей матери...

«Красные следопыты», ребятишки лет тринадцати — двенадцати, все в белых рубашках и красных галстуках, встретили Андрея Владимировича на пороге школы. Было заметно, что и они взволнованы не меньше, чем Любовь Петровна.

— Директор вас ждет в учительской,— заговорили они.— Пожалуйста, вот сюда...

Андрей Владимирович вошел в незнакомую светлую комнату. «Все перестроено»,— вспомнил он слова Любови Петровны. Но слева и справа от двери, как и когда-то, в той учительской, стояли большие шкафы с наглядными пособиями, а за ними вдоль стен — гнутые венские стулья. Навстречу ему поднялся худощавый, белокурый, в сером костюме, немолодой уже человек:

— Позвольте представиться...

Андрей Владимирович вдруг почувствовал, что у него перехватило дыхание. Из-за спины директора, со стены, на которой висело несколько застекленных портретов в тонких рамках, на него смотрела мать — такая, какой он ее помнил всегда, красивая, с серебряными нитями в темных волосах, с усталым взглядом глубоких глаз. «Щербакова Наталия Георгиевна, преподаватель математики и физики (1896—1942)»,— прочитал он сделанную черной тушью подпись под портретом.

— Простите меня и поймите мое волнение,— сказал он, опускаясь на поданный ему директором стул.— Я сейчас встретил у вас мою мать...

— Эти портреты,— рассказывал директор, когда все наконец успокоились и Любовь Петровна перестала плакать,— появились у нас в школе совсем недавно, не больше месяца тому назад... Мы решили, что школа должна сохранить память о наших старших товарищах, которые погибли на фронте или в тылу врага во время оккупации... Это был трудный поиск. Вместе с нами, учителями, его вели дети, учащиеся старших классов, наши следопыты. Теперь этот поиск завершен. Здесь портреты людей, которых мы вместе будем помнить всегда. А вот в этой общей тетради, которую мы зовем «Красной книгой», содержатся все добытые нашими следопытами данные...

Андрей Владимирович взял из рук директора «Красную книгу» и на одной из ее страниц, под небольшой фотографией матери, прочитал все, что знал и помнил о ней. Но две последние строчки заставили его привстать. Они были очень скупые, эти строчки, но содержали именно то, что так хотел узнать Андрей Владимирович: «По свидетельству очевидцев (шел перечень имен и фамилий), похоронена жителями села Мишенское в братской могиле возле старой церкви 14 марта 1942 года».

В тот же день он отправился в Мишенское. А когда вернулся, был уже вечер, и Любовь Петровна, только что заступившая на дежурство, сказала, что его нельзя узнать. Не то что он помолодел или постарел. Просто его глаза светились той грустью и радостью, что свойственны людям, когда-то утратившим и вдруг нашедшим самое дорогое в жизни.

Художник книги

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Савва Бродский — известный мастер книжной графики. Его произведения отмечены безупречным вкусом, тонким чувством книги как самостоятельного создания полиграфического искусства, глубоким проникновением в тайны писательского слова. Удивительное это ощущение, когда берешь в руки новую, только что вышедшую книгу, не раз до этого издававшуюся и вроде бы хорошо известную. Но пройдя через творческое восприятие художника, она приходит к читателю как бы переосмысленной нашим талантливым современником, увидевшим в старом классическом романе новые краски, не замеченные прежде смысловые оттенки, самостоятельные образные решения. Покоряет графическая культура художника, умеющего для каждого выбранного им произведения найти свой, неповторимый живописный ключ, построенный, например, как в «Спартаке», на соотношении белого и черного, с очень редкими звучными ударами красного цвета или многокрасочные в серебристой гамме иллюстрации к «Кола Брюньону», напоминающие старинные французские гобелены.

Графические листы Бродского не просто перелагают на языке изобразительных образов содержание литературного первоисточника. Точнее было бы назвать его работы художественной сюитой на тему избранного им текста. Выражая достаточно полно образный мир сочинения, серьезно проникая в смысловые пласты романа или повести, он предлагает свое, оригинальное их восприятие. В его произведениях сказываются духовный и жизненный опыт, эрудиция, изысканное графическое мастерство.

Когда на выставке в Центральном Доме работников искусств художник показал обширную серию иллюстраций к «Дон Кихоту», мы увидели славного рыцаря из Ламанчи, правдолюбца, не понятого окружающими людьми, добровольно взявшего на себя миссию защиты человечества от злых сил. Зрители почти физически чувствовали мрачные картины габсбургской Испании конца XVI века, и вместе с тем отчетливо прозвучала гуманистическая традиция, которую Бродский подчеркнул в романе.

Художник последователен в своем выборе. Он берет для иллюстрации этапные произведения литературы, в которых прославлены сила и красота человеческого духа, героизм и мужество борцов за счастье и справедливость на земле. Можно вспомнить его графические листы к «Спартаку» Джованьоли, «Оводу» Войнич, «Как закалялась сталь» Островского, «Повести о настоящем человеке» Полевого. Показанные крупным планом характеры героев, лаконичные и выразительные детали эпохи, почти кинематографическая динамика ритма — все это помогает читателю представить борения противостоящих идей и сильных страстей, яростное стремление героев к свободе.

Можно было бы сказать, что Бродскому везло с книгами, над которыми он работал. Но это не слепая удача, это выбор художника, обусловленный его взглядами на жизнь, на историю, на искусство.

Последняя работа графика — иллюстрации к собранию сочинений Ромена Роллана, которое выходит сейчас в качестве литературного приложения к «Огоньку». Одновременно с этим исполняется четверть века сотрудничества Саввы Григорьевича в «Огоньке»: он создал многочисленные рисунки к рассказам, опубликованным на страницах журнала, и, главное, графические серии к собраниям сочинений Стефана Цвейга, Стивенсона, Флобера, Александра Грина.

В иллюстрировании «Кола Брюньона» сложилась определенная художественная традиция: можно вспомнить, например, отличные работы Е. Кибрика. Бродский создал свои листы, имитирующие цветные офорты, в стиле средневекового театрального представления. Точные приметы бытовой обстановки эпохи лишь подчеркивают сочные, полные жизни и народного юмора характеры персонажей бессмертной повести Роллана. В этих листах воскресает вольный галльский дух, широкая, неугомонная натура мастера из Кламси — и умный, влюбленный взгляд французского писателя, создавшего один из самых колоритных образов мировой литературы. Художник словно комментирует эпоху, о которой идет речь, становясь нашим незаменимым спутником в путешествии по страницам роллановских книг. Это один из основных принципов Бродского: доскональное изучение истории, времени, обстановки, нравов. Он не навязывает своей трактовки литературных образов и в то же время помогает проникнуть в словесную ткань произведения, почувствовать тональность, эмоциональную стихию прозаического текста.

Каждая книга имеет для него свою неповторимую архитектонику, начиная от обложки и титула и кончая форматом, шрифтом, буквицами. Величина белых полей на книжной странице, различные заставки и концовки, фактура и цвет переплета, расположение цветных и черно-белых иллюстраций — одностраничных, разворотов и триптихов — во всем художник каждый раз ищет новый композиционный ход, раскрывающий своеобразие литературного произведения. В таком обостренном чувстве внутренней структуры текста и иллюстрации сказывается, наверное, давний опыт архитектора. По проектам Бродского построены театральные здания в Петрозаводске, оформлены интерьеры музея А. Грина в Феодосии. И не случайно Сергей Тимофеевич Коненков именно с ним работал над проектами многих памятников.

Талант художника, недавно отметившего свое пятидесятилетие, находится сейчас в полном расцвете. Будем надеяться, что Савва Григорьевич Бродский, один из лучших мастеров советской книжной иллюстрации, еще не раз порадует читателей своими работами.

ЖАН КРИСТОФ. БУНТ.

ЖАН КРИСТОФ. ЗАРЯ.

КОЛА БРЮНЬОН.

**ИЛЛЮСТРАЦИИ С. БРОДСКОГО
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ
РОМЕНА РОЛЛАНА**

КОЛА БРЮНЬОН. ДРУЗЬЯ.

КОЛА БРЮНЬОН. ЛАСОЧКА.

КОЛА БРЮНЬОН. У ЗАМКА.

КОЛА БРЮНЬОН. ПОСЛЕ ПОЖАРА.

ДЕНЬ, НОЧЬ И СНОВА ДЕНЬ

Борис ЛАСКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

6

Лифт остановился на шестом этаже, и они вышли. Павлик нес свой рюкзак и Надин чемоданчик.

— Вот она, квартира сорок четыре. Прибыли.

— Павлик,— Надя взялась за ручку наружной двери лифта,— погоди. Лучше я не пойду...

— Здравствуйте!.. Почему ты не пойдешь? Почему?

— Тише. Потому что мне неудобно. Я же их совсем не знаю...

— Это даже лучше. Познакомитесь. Если хочешь знать, я и сам тетю Наташу видел раза три, не больше.

Раздался щелчок, тихое гудение, и кабина лифта пошла вниз.

— Вот. Даже лифт уехал.— Павел поставил чемоданчик и протянул Наде руку.— Пока!

— Что пока?

— Подожди меня здесь. Я зайду один и потом тебя позову.

— Но меня же увидят. Я лучше спущусь вниз.

— Ладно. Сойди ниже на этаж и жди моего сигнала.

Надя взяла чемоданчик и спустилась на пятый этаж. Она прислушалась. Сначала было тихо, потом отворилась дверь и послышался женский голос: «Наконец-то явился»,— и сразу голос Павлика, какой-то чересчур бодрый: «Здравствуйте, тетя Наташа!» Затем дверь закрылась, и снова наступила тишина.

«Как нескладно все получилось,— подумала Надя.— Сейчас обязательно кто-нибудь выйдет из квартиры и спросит: «Вы к кому?» А я даже их фамилии не знаю. Подожду минут пять, самое большее десять, если Павлик не выйдет, поеду на вокзал».

А Павлик тем временем уже сидел в комнате, рассеянно слушал тетю Наташу и думал: «Не сбежала ли Надя?»

— Весь день ждала тебя, даже начала беспокоиться, где ты есть, не заблудился ли?..

— Что вы, тетя Наташа, я же не маленький.

— Это тебе только кажется, что ты такой взрослый и самостоятельный, а ты еще школьник...

— Я уже не школьник,— сказал Павлик. «Неужели ушла? Тогда совсем будет глупо — я о ней расскажу, а ее нет».

— Хорошо. Уже не школьник, но еще и не взрослый.

— Тетя Наташа, вам большой привет от мамы.

— Спасибо.

— И от папы привет. Он лежит в больнице. Ему позавчера только вырезали аппендицит.

— Вырезают не аппендицит, а аппендикс.

— Понятно. Тетя Наташа, я хочу вам одну вещь сказать. Можно?

— Говори.

«Как бы начать получше? Сказать, что мы дружим с первого класса? Нет, не надо. Скажу как есть. Скажу, что вместе приехали, а то, что мы в поезде познакомились, говорить не обязательно».

— Ну, говори же, говори!— сказала тетя Наташа.

— Дело вот в чем,— начал Павлик и неожиданно для самого себя спросил: — а что, дядя Жора все летает?

— Да. Он уже два миллиона километров налетал.

— Какой у него самолет? ТУ-114?

— ИЛ-62.

— Замечательный самолет,— сказал Павлик, безнадежно увязая в разговоре и так и не решаясь выйти на главную тему.

И тетя Наташа поняла, что ее гость, по всей видимости, собирался говорить с ней о чем-то другом.

«Если сейчас не скажу — все. Надя уйдет. Не будет она столько ждать».

— Тетя Наташа,— сделал новый заход Павлик,— вы, конечно, знаете, почему я приехал...

— Мне твоя мама все рассказала по телефону, так что я в курсе дела.

— Я приехал подавать документы в ПТУ...

— Знаю. Только вот на кого решил учиться, это мне еще неизвестно.

«Было бы вам известно, что пока мы тут с вами разговариваем, на пятом этаже стоит и нервничает Надя Фирсова, которая на меня надеется. А возможно, она уже ушла и считает, что я жалкий трепач».

Этого, разумеется, Павлик не сказал. Он это только подумал, а сказал он совсем другое:

— Вы знаете, когда ребята и девчонки вместе учатся, то у них завязывается дружба, а у некоторых она даже переходит в любовь...

— Да, случается и такое,— улыбнулась тетя Наташа, твердо убеждаясь, что не ошиблась в своей догадке: влюбился и боится признаться.

— Но бывает, что просто дружба,— полез на попятный Павлик, уже окончательно теряя надежду перейти к делу.

— Давай рассказывай о себе, но, если можешь, покороче, а то я ухожу на ночное дежурство, а мне еще надо успеть дать тебе разные инструкции.

«Уходит на ночное дежурство, тогда-то уж Надя наверняка не останется. Ладно. Скажу».

— Тетя Наташа, со мной вместе приехала поступать одна девушка — Надя Фирсова. Она хорошая девушка. У нее бабушка была на фронте, работала в редакции военной газеты, награждена орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги»...

— Кто? Бабушка или девушка?

— Бабушка, а сама она будет учиться на кондитера.

— Прекрасно. Ну и что же?

— Вы понимаете, она думала, что для поступающих есть общежитие, а оказывается — нет. И ей вообще-то негде... У нее тут нет никого...

— Я понимаю,— сказала тетя Наташа, и Павлик заметил, что лицо у нее немножко потемнело.

— Так что если нет возможности, то я тогда тоже...— Он потянулся к своему рюкзаку, давая тем самым понять, что он готов покинуть квартиру.

— Как ее зовут?— спросила тетя Наташа, как будто это имело какое-то значение.

— Надя. Надежда Фирсова.

— Сколько ей лет?

— Сколько и мне.

— Так она совсем взрослая,— покачала головой тетя Наташа, а Павлик подумал: «Интересно. Надя, значит, взрослая, а я не взрослый».

— Где она?

— Она тут.

— Где тут?

— На лестнице...

Тетя Наташа замолчала. Она внимательно разглядывала свои ногти, потом встала, подошла к зеркалу, поглядела на себя, еще раз покачала головой и сказала совсем тихо, еле слышно:

— Пусть зайдет.

Павлик метнулся в переднюю, открыл настежь дверь и крикнул:

— Надя! Иди сюда! Тебя приглашает тетя Наташа!..

Не услышав ответа, он сбежал на пятый этаж и увидел Надю с чемоданчиком в руке, она уже собиралась спускаться.

Он выхватил у нее чемоданчик и взял ее за руку.

— Она просит, чтобы ты шла скорей, а то ей уходить на ночное дежурство...

Когда Надя вошла, Павлик удивился: как-то она вдруг изменилась. Робкая, смущенная. Где же ее чувство юмора?

— Здравствуйте, Надя Фирсова,— сказала тетя Наташа, и Павлику захотелось, чтобы она при этом улыбнулась, но на лице ее не было улыбки. Сперва она поглядела на Надю, а потом стала глядеть куда-то мимо.

— Вы меня извините,— сказала Надя,— я вообще не хотела...

— Ах, вы не хотели?— усмехнулась тетя Наташа, и Павлик почувствовал — в воздухе пахнет грозой.

— Мне просто как-то неудобно,— пояснила Надя.

— Заходите, заходите,— сказала тетя Наташа и снова задумалась, и это было уже совсем непонятно. Она же все знает, сама пригласила Надю войти и опять молчит.

— Ну, хорошо,— сказала она наконец.— Значит, так, вы, Надя Фирсова, будете спать в этой комнате на тахте, белье здесь в ящике. А ты,— она обернулась к Павлику,— ты будешь спать в маленькой комнате на раскладушке, она уже постелена. Душ и все прочее вон там. В холодильнике есть масло, колбаса, бутылка ряженки. Хлеб в хлебнице.

— Спасибо,— сказал Павлик.— Нам все ясно.

— Можно мне спросить?— Надя подняла руку, как в классе, и тетя Наташа коротко улыб-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 50.

нулась.— У вас есть телефон. Можно я ваш номер напишу в телеграмме бабушке, и она завтра сюда позвонит?..

— Можно. А что, у тебя, кроме бабушки, никого нет?

— Есть. Папа есть и мама. Только они в отъезде. Их по нескольку месяцев не бывает. Они в геологической экспедиции.

— Понимаю,— кивнула тетя Наташа.

«Сказала бы: «Это дело хорошее»,— Наде было бы приятней»,— подумал Павлик и спросил:

— А когда дядя Жора вернется?

— Сегодня он не вернется,— ответила тетя Наташа и подчеркнула слово «сегодня».

— Жаль,— сказал Павлик. «Вернулся бы сегодня, все было бы проще. Мы бы устроились вместе с дядей Жорой, а Надя бы ушла туда на раскладушку».

— Я приду рано. Вы меня дождитесь.

— Мы с утра пойдем в ПТУ,— сказал Павлик,— а по пути зайдем в кафе «Ландыш». Там и поедим.

— Ну да, светскую жизнь лучше начинать с утра,— сказала тетя Наташа.

— Очень там рогалики вкусные,— сказала Надя.

Тетя Наташа взяла сумку, плащ и пошла к дверям. Уже на пороге она остановилась и сказала:

— Спокойной ночи.

Она посмотрела на Павлика, потом на Надю.

— Вы слышите? Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,— сказал Павлик.

— Спокойной ночи, тетя Наташа,— сказала Надя и, когда захлопнулась дверь, закрыла лицо руками: — Думала — умру...

7

Восемь переговорных кабин стоят рядом, в каждой человек, а иной раз и двое. Один говорит, а другой ему подсказывает или что-нибудь добавляет в трубку. Днем, когда кабины заняты и все сразу говорят, ничего понять нельзя — сплошная каша. Но если мимо этих кабин пройдешь не спеша, до тебя долетят обрывки разговоров, которые сплетутся в одну фразу, без начала и конца, без запятых и точек: «Полина родила двойню постараюсь в министерстве выбить фонды защитился все в порядке высокие сапожки только на шнурках в целом утверждены есть поправки звоню и не застаю где ты гуляешь по вопросам капитального строительства целую тебя дорогая в соответствии с указаниями руководящих органов...»

Говорят люди, говорят, не умолкая, и у каждого свои радости, свои заботы и печали.

Днем почти всегда работы невпроворот, а в ночные часы, конечно, много спокойней. Можно передохнуть, подумать о том о сем.

Она ответила на вызов, соединила абонента с Алма-Атой, он поблагодарил: «Спасибо, девушка!» — и торопливо заговорил по-казахски.

«Спасибо, девушка», «будьте любезны, девушка». А я, между прочим, шесть лет замужем. Меня уже называют тетей Наташей».

В автобусе по дороге на работу она все время думала об этой девчонке и о Павлике. Все-таки родственник, хоть и дальний. Вера Коротеева, мать Павлика, доводится ей троюродной сестрой. Встречаются они редко, живут в разных городах, но так уж вышло, что у нее с Верой одна профессия — обе телефонистки и обе на междугородной. Только Вера там у себя старшая. У нее в Озерске совсем другой объем работы, даже и сравнивать нельзя. Озерск — всего-навсего районный центр, к тому же Вере лет побольше и у нее стаж, а Наташа работает не так давно. Летала стюардессой и в один прекрасный день в рейсе познакомилась с Георгием. Он летел пассажиром из Адлера. Потом уже, после свадьбы, он вдруг заявил: «В нашей семье кто-нибудь один будет летать, а именно я. А для тебя и на земле работенка найдется». И вот она закончила курсы и теперь трудится, как говорится, не хуже других.

Вспыхнул сигнал. Наташа приняла вызов и объявила в микрофон: «Матвеенко, вторая кабина». Она узнала знакомый голос одесской телефонистки и быстро сказала: «Люба, привет! Как там? Синеет море за бульваром?» «Синеет»,— ответила Люба,— привет, Натали!»

Абонент вошел в кабину, плотно притворил дверь, и в малолюдном зале ожидания как бы издалека послышался его глухой басок.

Работы было совсем мало, и Наташа вызвала Озерск. Ответила Вера.

— Алло! Это я,— сказала Наташа.

— Здравствуй. Я ждала, что ты позвонишь.

— Главное — как здорово совпало, что и ты в ночь дежуришь. Минутку! — Ответив на вызов, Наташа соединила абонента с Кишиневом и продолжала: — Сообщаю, что к нам пожаловал гость.

Она хотела сказать «гости», но удержалась. «Стоит ли говорить, что Павел явился не один? Если только сама спросит».

— Значит, доехал благополучно...

— А ты что же, сомневалась?

— Да нет, мужичок он сурьезный...

— Мужичок с ноготок,— сказала Наташа.— Давно его не видела. Подрос.

— Не говори. Прямо жених... Не знаешь, он подал уже документы?

— Точно не скажу... Вера, дай наш телефон бабушке Нади Фирсовой.

— Кому, кому?

— Бабушке Нади Фирсовой.

— Какой Нади Фирсовой?

— Ты разве не знаешь ее? А я-то думала, они давно знакомы...

Вера молчала. Было слышно ее дыхание.

— Кто они?.. Погоди!..

Вера отключилась, и тогда Наташа подумала, что, пожалуй, не стоило сообщать ей об этой девчонке, но, с другой стороны, она же рано или поздно все равно узнает.

— Наталья,— снова раздался голос Веры,— объясни, ради бога, что там у вас случилось?

— Ничего особенного. Павел приехал не один. Он прибыл с дамой.

— Что, что?

— С девушкой он приехал.

— Интересное кино. А сейчас он где?

— Спит уже, наверно, или беседует...

— С кем? С Жорой?

— Жора улетел. А Павел дома со своей Надей.

— И она тоже у вас остановилась?

— А чего, места хватает.

Немного помедлив, Вера сказала:

— Передай ему, чтоб он завтра до восьми позвонил мне на работу.

— Передам. Но ты не волнуйся.

— Когда у тебя будет сын, мы с тобой вернемся к этому разговору.

— А если не сын будет, а дочь?

— Тогда тем более. Пока! — бросила Вера и отключилась.

«Пока... Будто я в чем-то виновата». Она мысленно попыталась поставить себя сейчас на место Веры, но из ее намерения ничего не вышло. У Наташи не было сына. Он только должен появиться на свет примерно через пять месяцев. Есть еще время поразмышлять на моральные темы. А если родится дочь, тем более забот хватит, особенно если она вырастет такая же хорошенькая, как эта девчонка.

8

— Могу диктовать? — спросил Павлик и заглянул в листок.— Пишите. Адрес: Озерск, улица Коммунаров, семь, квартира два, Фирсовой.

Из ванной комнаты доносился шум воды и Надин голос. Она что-то напевала.

— Теперь пойдет текст. Доехала благополучно...

Павлик закрыл ладонью трубку и крикнул:

— А если написать не «доехала», а «доехали»?

— Ничего не меняй,— ответила Надя.

«Значит, ей там все слышно. Учтем».

— Позвони утром по телефону двадцать два — восемь один — тринадцать. Не двенадцать, а тринадцать. Целую крепко. Надя.

Он опять закрыл трубку и крикнул в сторону:

— Целую крепко, Надя!

Не услыхав в ответ ничего, кроме плеска воды, он крикнул еще громче:

— Целую крепко, Надя!

— Спасибо! — сказала Надя, но было не совсем ясно, за что спасибо, за то, что он передал ее телеграмму, или за эти слова, которые были сейчас адресованы ей.

Покончив с телеграммой, он взял телефонную книгу, принялся ее листать и подумал, что правильней было бы написать «приехали». Зачем скрывать от родной бабки, что они познакомились, провели, не расставаясь, целый день и даже сейчас, когда за окном уже ночь, они по-прежнему вместе?

Он что-то поискал и нашел в телефонной книге, записал это на клочке бумажки и положил книгу на место.

Надя вышла веселая, розовая, в ярком ситцевом платье без рукавов, с мокрыми волосами. Они блестели у нее, как лакированные.

— Слышала я, как ты передавал телеграмму,— сказала Надя Павлику и почему-то погрозила ему пальцем.

— Ты чего?

— Ничего. Переходи к водным процедурам.

Минут через пятнадцать, когда он вышел, освеженный прохладным душем, Надя уже лежала на тахте, укрытая до подбородка белым тканевым одеялом.

— Ничего, что я в трусах и в майке? — спросил Павлик.

— А мне-то что? — сказала Надя. Она лежала, глядя в белый потолок, как будто на нем было нарисовано нечто необыкновенно интересное.

Павлик прошел в маленькую комнату, проверил — раскладушка на месте, улегся. Он шумно вздыхал, ворочался, потом встал и выдвинул свою раскладушку вперед. Теперь, когда он снова ляжет, ему будет видна Надя.

— Мы сейчас будем разговаривать,— сказал Павлик,— я не могу говорить с человеком, если я его не вижу. Я должен знать, какое у него выражение лица. Вот я сейчас вижу — ты на потолок смотришь...

— Я не на потолок смотрю. Я смотрю на звезды.

— Над нами еще три этажа.

— Это не имеет значения.

Павлик немного помолчал.

— Послушай, какая у меня была мысль,— сказал он.— Когда мы с тобой еще ехали в поезде, я так задумал — приедем, разберемся в обстановке, что и как, и потом уже все окончательно решим.

— Так и подумал — решим? То есть вместе?..

— Ага. Мне не нравится, когда заранее все знаешь. Интересней, когда что-то бывает вдруг. Вдруг человек, вдруг встреча, вдруг приключение...

Надя прищурилась.

— А «вдруг встреча» тебе мало, да? Тебе обязательно надо, чтобы «вдруг приключение»?

Она по привычке поправила волосы, и Павлик заметил — рука у нее длинная. И взгляд какой-то настороженный.

— Надя!..

Она не ответила.

— Фирсова Надя!

— Что?

— Ничего. Просто фамилию твою вспомнил.

— Ну и как? Ничего фамилия?

— Хорошая.

— Да уж получше, чем Коротеев,— улыбнулась Надя, и Павлик подумал: «Она сейчас такая же, как тогда в вагоне, когда я стал читать ее книжку и она сказала: «Прочитал и ничего не понял».

— Коротеев тоже фамилия неплохая,— сказал Павлик и решил: «Сейчас самое время».— Надя, к тебе телефон поближе, позвони по номеру,— он сверился с бумажкой,— двадцать восемь, восемь шесть, восемь два. Текстильный техникум. Узнай, какой у них адрес...

От удивления у Нади взлетели брови.

— Ах, вон оно что!.. У тебя, оказывается, уже такой вариант. Я, конечно, позвоню, мне нетрудно, но ты скажи, ты в своем личном тоже такой — сегодня одно, завтра другое, да?

Павлик неопределенно пожал плечами. «Давай думай в этом направлении».

— Сегодня днем ты сказал, что электромонтажник — замечательная профессия. А сейчас у тебя новая цель — текстильный техникум, поближе к ширпотребу...

— Это точно,— кивнул Павлик и загадочно улыбнулся.

Надя сердито сбросила одеяло. Оказывается, она легла спать не раздеваясь, осталась в своем платье или халате.

— Двадцать восемь, восемь шесть, восемь два,— повторил Павлик.

— Я запомнила. Можешь не повторять.

Она набрала номер и в ожидании, пока ей

ответят, еще раз укоризненно взглянула на Павлика.

— Трубку сняли и не отвечают. Какое-то там веселье, голоса, смех... Алло! Текстильный техникум?.. Что?.. У вас ремонт? А кто со мной говорит? Рая? А вы кто? Маляр?.. Скажите, пожалуйста, какой ваш адрес? Нет, не лично ваш, а техникума.

Услыхав ответ, Надя отняла от уха трубку и медленно опустила ее на рычаг.

— Зачем же ты так? — обиженно спросила она.— Захотел передо мной похвастать, что у тебя тут есть девушки знакомые? Ты своей Рае мог бы и сам позвонить.

— Я даже не знаю, кто она такая,— сказал Павлик. Он был слегка растерян.— Даю слово.

— Зато она тебя знает.

— Почему ты думаешь?

— Потому. У меня тоже есть самолюбие.

Надя легла и снова подобрала одеяло до самого подбородка. Она не смотрела на Павлика, но если бы она сейчас взглянула на него, то обиделась бы еще больше, потому что Павлик улыбался.

— Тебе сказала Рая адрес?

Надя не ответила.

— Я тебя спрашиваю...

— Сказала,— ледяным тоном ответила Надя.— Если хочешь, запиши для памяти: улица Павла Коротеева, дом двадцать один. Твоя Рая думает, что она очень остроумная...

— Надя,— сказал Павлик,— можно я зайду к тебе в комнату? Я тебе сейчас все объясню...

— Не надо ничего объяснять. Зачем? Мне и так все понятно.

«Обиделась. А если у нее не обида, а ревность? Нет. Без любви ревности быть не может. Это уж точно».

— Я зайду, сяду на стул и все объясню.

Надя молчала. «Сейчас начнет оправдываться. Еще, чего доброго, подумает, что я ревную. Пожалуйста, поступай в текстильный техникум и целуйся со своей Раечкой».

Надя продолжала молчать, и Павлик вошел в большую комнату. Вошел и сел на стул.

Надя лежала с закрытыми глазами.

— Надя,— сказал Павлик.— Открой глаза, ты еще не заснула. Я хочу сказать, что ты мне... очень и очень нравишься. Я еще в вагоне, когда тебя увидел, сразу понял, что я... что ты...

Говоря это, он не смотрел на Надю, и Надя не смотрела на него. «Нате,— подумала она,— он и не собирается оправдываться, нет. Он сейчас мне скажет что-то совсем другое, может быть, самое главное».

— Почему ты замолчал? — спросила Надя и, открыв глаза, встретила напряженный взгляд Павлика.

— Наверно, там и правда ремонт — в техникуме. Маляры ведь и ночью тоже работают... Рая, которая взяла трубку, не пошутила. В этом городе есть улица Павла Коротеева. Да-да, не удивляйся. Только ее назвали не в мою честь, а в честь Павла Андреевича Коротеева — Героя Советского Союза, майора бронетанковых войск...

Надя испытующе смотрела на Павлика. Он был необычно серьезен. А ведь только что улыбался, кричал ей: «Целую крепко, Надя!» А сейчас сидит, молчит и похлопывает себя по голым коленкам.

— Улица Павла Коротеева,— негромко произнесла Надя.— Значит, он не только твой однофамилец, он еще и твой тезка.

— Да. А кроме того, он еще мой дед.

— Родной дед?

— Родной. Меня Павлом назвали в его честь.

Надя молчала.

«Она не верит»,— подумал Павлик. Он встал, извлек из рюкзака зеленую общую тетрадь, вынул из нее конверт, а из конверта небольшую фотографию и протянул ее Наде.

— Вот он...

Фотография поблекла от времени, но все на ней было видно очень хорошо. Улица, разбитые, темные от копоти дома с черепичными крышами, стоят советские танки, на первом плане офицер-танкист в сдвинутом на затылок шлеме. Танкист смотрит прямо в объектив, и на губах у него усталая, счастливая улыбка.

— Снято под Берлином,— пояснил Павлик.— Героя-то он получил еще на Курской дуге. Если не знаешь, я тебе коротко скажу. Летом сорок третьего года фашисты надумали взять реванш за Сталинград. Они подготовили наступатель-

ную операцию под кодовым названием «Цитадель». Собрали свои отборные части — и танковые и пехотные... Жалко, карты нет, я бы тебе на карте показал. Представляешь, Курская дуга — самый центр России. И вот там начались такие бои!.. Дед, тогда еще совсем молодой, был командиром танка. Он принял участие в историческом прохоровском танковом сражении...

— А кто он такой был, этот Прохоров?

— Это местность так называлась — Прохоровка. Тысячи танков вели ураганный огонь. Разрывы, рев, гром. Ты можешь себе представить?

— Не могу.

— Но это же все было. У меня дома книга есть, «Герои танковых сражений», там, между прочим, и фотография деда имеется. Я тебе обязательно ее дома покажу. И вот теперь представь, человек прошел огонь, воду и медные трубы...

— Павлик, я тебя перебью. Как это понять? Прошел огонь и воду — это всем ясно: человек горел, тонул и остался жив. А как можно пройти медные трубы?

— Могу объяснить,— сказал Павлик и пересел на краешек тахты.

Теперь Надя была от него совсем близко. Она сидела, подогнув ноги и завернувшись в одеяло.

— Под медными трубами подразумевается оркестр. Представляешь? Трубы играют парадный марш, человеку достается слава, почет и так далее. И вот теперь смотри. Если человек прошел испытание огнем, водой и плюс к тому славою и потом не занесся над всеми, а остался таким, каким был — смелым и простым, то он уже является человеком с большой буквы. Его все уважают и помнят даже тогда, когда его больше нет на свете...

Павлик взял у Нади фотографию, вложил ее в конверт и спрятал между листами общей тетради.

— А твой дед умер?

— Он погиб, знаешь когда? Он погиб в самый последний день войны.

Надя печально покачала головой и неожиданно погладила Павлика по плечу.

— Вот ты какой, Коротеев,— с уважением сказала она.

Павлик благодарно кивнул и улыбнулся.

— Да, но я не Павел Андреевич, я всего только Павел Ильич. Ты на меня так не смотри, как будто я — это он.

«Я вижу сейчас только тебя,— думала Надя.— Твоя знаменитая фамилия тебя, конечно, немного поднимает над другими, но ты очень скромный, и я это ценю. Я тебе пока ничего не буду говорить, а то выйдет, я первая признаюсь, что ты мне понравился. Хотя нет. Ты сегодня первый сказал, что я тебе нравлюсь. Если хочешь знать, ты мне понравился еще тогда, в поезде, и далее везде — и в универмаге и в зоопарке».

— Ты заметила, мы уже, наверно, целую минуту молчим.

— Да. Я заметила.

— А вообще бывает молчание, которое дороже всяких слов,— сказал Павлик.— «Минута молчания» — даже песня есть такая или кинофильм.

— Я сейчас вспомнила... Прошлый год я ездила с бабушкой к ее хорошим знакомым в город Ворошиловград. И вот в воскресенье поехали мы в автобусе на экскурсию, посетить мемориал на реке Миус... Представь, широкая такая лестница ведет на высокий холм. Мы все подымаемся по лестнице, а там под землей где-то радио спрятано. И вот мы идем и слышим — не очень громко звучит торжественная музыка, называется реквием, и на фоне музыки мужской голос без конца называет фамилии тех, кто воевал там и погиб. Но это не все. Кроме мужского, еще и женский голос, как бы наплывает. Это голос скорбящей матери, которая прощается со своим сыном, павшим смертью храбрых. Мы все шли по лестнице и молчали. Поднялись на самый верх, там такой шлагбаум из железобетона — заслон врагу. И тут же горит Вечный огонь. И все, кто пришел наверх, все молчали долго, долго...

Павлик внимательно слушал Надю, невольно относя ее слова ко всему тому, что у него было связано с дедом. Он никогда не видел его, но память о нем была ему безмерно дорога.

— Павлик,— тихо сказала Надя,— я тебя сейчас поцелую...

Все случилось так быстро, что он даже не успел ничего подумать. Надя поцеловала его в губы и сразу оттолкнула:

— Иди спать. Иди. Уже поздно.

Павлик сидел, не двигаясь. Он удивился — как громко стучит у него сердце.

— Иди, Павлик,— повторила она.— И не туши свет...

— Надя,— сказал Павлик,— Надя...

Она не ответила, и вдруг зазвонил телефон.

Надя даже вздрогнула, до того он был громким, этот ночной звонок.

— Возьми трубку,— сказала она,— здесь же твои родные живут.

Павлик снял трубку: «Кто бы это мог быть?»

— Я вас слушаю.

— А я вас слушаю,— раздался в ответ знакомый голос. Звонила мама из Озерска.— Я тебя не разбудила?

— Нет. Я не спал.

— Почему же ты не спал?.. Я просила тетю Наташу передать тебе, чтобы ты утром позвонил мне на работу...

Павлик посмотрел на Надю и, прочитав в ее глазах вопрос, написал пальцем по одеялу: мама.

— Я решила не дожидаться твоего звонка и сама позвонила...

— Мама знает, что ты не один? — шепотом спросила Надя.

Павлик пожал плечами и сказал в трубку:

— И хорошо сделала, что позвонила.

— Доехал благополучно?

— Нормально.

— А ты скажи. Сам ей скажи,— прошептала Надя.

— Павлик, ты к тете Наташе приехал не один, это правда?

Павлик ответил не сразу. Как неловко, что ему придется говорить в присутствии Нади. Можно просто слушать, что скажет мама, и отвечать односложно: да, нет. Но эту робкую мысль вытеснила другая. Лучше все сказать самому, не дожидаясь никаких вопросов.

— Мам,— сказал Павлик,— хочу довести до твоего сведения... что в поезде я познакомился с одной девушкой. Мы ехали в одном купе. Она тоже собирается поступать в ПТУ. И теперь мы вместе будем поступать. Я профессию выбрал окончательно — электромонтажник, а ее больше интересует кондитерское производство. Она будет кондитером...

— Очень это неудобно,— сказала мама.

— Как ее зовут? Зовут ее Надя. Надя Фирсова. Они живут на улице Коммунаров, возле кино. Ее родители сейчас в геологической экспедиции...

— Интересно, что сказала тетя Наташа, когда вы явились вдвоем?..

— А бабушка, с которой она живет,— продолжал Павлик,— участница Великой Отечественной войны, награждена орденом и медалью.

— При чем тут бабушка?

— Завтра мы с Надей подадим заявление.

— Какое заявление? — испуганно спросила мама.

— В ПТУ. Я в свое, она в свое.

— Как ты все-таки мог?..

Павлик улыбнулся. «Интересный разговор. Ты мне про Ерему, а я тебе про Фому».

— Ну, чего ты молчишь, Павлик? Скажи что-нибудь.

— Она тебе тоже кланяется,— сказал Павлик и бросил взгляд на Надю. И Надя подтвердила кивком, что она кланяется.

— Павлик, ты уже взрослый. Мне неудобно, особенно по телефону, объяснять тебе простые истины.— Мама сделала паузу и негромко спросила: — Она здесь? Рядом с тобой?

— Конечно! — ответил Павлик.— Я же говорю, она тебе кланяется. Мам, ты не волнуйся. Папе привет, и, учти, ты это сама сказала, я взрослый. Считай, что я уже электромонтажник.

— Ладно. Смотри у меня.

— Привет! — сказал Павлик.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи,— немного помолчав, сказала мама и добавила,— передай привет кондитеру.

Окончание следует.

ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ...

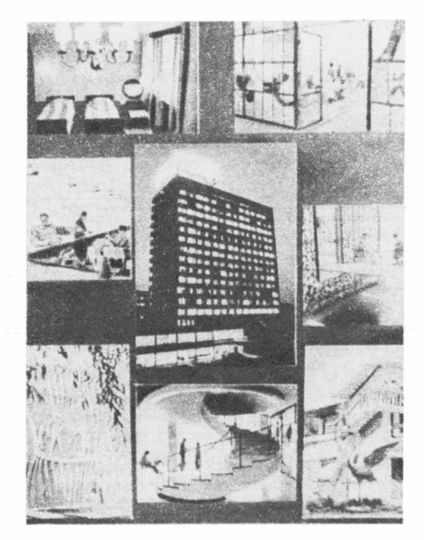
Сидит в просторном кресле рядом с архиепископом Петром Василий Буслаев, умудренный годами и житейским опытом новгородский посадник, и слушает, как калики перехожие сказывают певучую быль о его буйной да удалой молодости.

...Семнадцать лет тому назад началась жизнь поэмы Сергея Наровчатова «Василий Буслаев». В основу ее была положена известная былина новгородского цикла. Опираясь на народное творчество, неся в своем сердце насущные дела и заботы своей эпохи, поэт создает образ, точнее сказать, воссоздает в слове судьбу человека из далекого прошлого земли русской. Перед нами встает в полный рост могучая фигура, освещенная горячими лучами сегодняшнего дня.

День минувший и день нынешний. Между ними перекинут мост прочный, нестареющий. Он-то и послужил дорогой, по которой повел Сергей Наровчатов героя своей поэмы. Я думаю, что строки о новгородском богатыре зрели в сердце художника еще тогда, когда в годы Великой Отечественной войны горела под ногами врагов наша земля, когда на наши мирные поля падал разъяренный металл. И разве можно было не увидеть в бойце — Илью Муромца, в русской солдатке — Ярославну, в каждом ручье — Непрядву?!

Первоначальный вариант поэмы представлял собой только ту ее часть, которая теперь является рассказом калик. Таким образом, характер и судьба главного героя поэмы были лишь развитием характера и судьбы героя былинного, их

Сергей Наровчатов. Василий Буслаев. См. «Дальний путь». Стихи и поэмы. М. «Современник». 1973.

НАД СЕРЕБРЯНОЙ ЛЕНТОЙ ДОНА

художественной интерпретацией. Но вот случайно в одном из летописных списков конца XII века автор обнаружил свидетельства действительного исторического существования посадника Василия Буслаева. И это не только дало возможность расширить сюжетные границы повествования, но и послужило толчком для более свободного поэтического вымысла в детализации характеров и ситуации.

«Васька Буслаев — не выдумка, а одно из величайших и, м. б., самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре» — эти поистине провидческие слова принадлежат А. М. Горькому. Косвенным, но зато убедительным подтверждением высказанной писателем мысли служит и поэма Сергея Наровчатова.

Начинается поэма колокольными переливами запева, рефреном звучат слова, которые вполне могут служить ключом к одному из главных «замков» поэмы:

Молодости — буйство,
Молодости — удаль,
Молодости — воля.
Старости — власть.

Колокольный звон составляет сначала как бы фон развернувшейся перед нами истории. Но постепенно значение его возрастает, и вот уже колокол — олицетворение власти Великого Новгорода — сам становится действующим лицом, антиподом молодого Васьки Буслаева и единомышленником посадника Буслаева Василия.

Не хочу пред тобою
склонить чело,
Противлюсь тебе силою
сил, —

дерзко бросил колоколу вызов удалец-молодец. И хотя быль, хранимая народом, говорит о том, что Васька был наказан, ибо перепрыгнуть через колокол смертному человеку, как бы силен и дерзок он ни был, не дано, поэт пошел в своем произведении дальше, углубив и заострив смысл рассказанной им истории.

Василий Буслаев не только остается жить, но и становится глашатаем и защитником тех идей, к которым призывал его когда-то колокол. Как истинный народный герой, Буслаев не мог не преломить в себе внутренних противоречий и не почувствовать необходимость объединения русской земли перед лицом надвигавшегося нашествия. Не случайно в поэме, даже в рассказе калик, содержащем иной вариант жизни Буслаева (герой, как мы уже говорили, погибает в единоборстве с колоколом), содержится намек и указание на развитие автором именно вышеназванной идеи. Это сон Василия, в котором он видит автора «книги книг» — «Слова о полку Игореве». Убеленный сединами мудрец говорит молодому бесшабашному воителю:

Грядут века глухие,
Грядет и глад и мор,
Повергнется Россия
В неслыханный разор.

Неумолимо грозно
Взглянул нам в очи век.
Пока еще не поздно,
Опомнись, человек!

Так подними же вежды,
Раскрой их ввысь и вширь,
Последняя надежда,
Последний богатырь!

И человек опомнился. Богатырь стал действительным богатырем — защитником не только обиженных и бедных, но и грозным защитником своей земли. В этом, на мой взгляд, основной пафос поэмы Сергея Наровчатова. Ибо отсюда легко перекидываются мосты в нашу современность, ибо в этом корень подлинного патриотизма.

Борис **ПРИМЕРОВ**

Ростов-на-Дону украсился семнадцатиэтажным зданием гостиницы «Интурист».

В новой комфортабельной гостинице около трехсот удобных номеров, рассчитанных более чем на пятьсот гостей. Здесь все устроено так, чтобы порадовать человека, создать ему уютную обстановку, сделать приятными дни, проведенные в отеле.

Этому очень содействуют благоустроенность этажей, их со вкусом исполненное оформление, просторные и бесшумные холлы, поистине дивная панорама Придонья, что открывается с верхних этажей. В коридорах тихо и безлюдно, впечатление такое, будто в гостинице никого нет.

Скоростные лифты быстро доставят вас в любой из двух просторных ресторанов. В распоряжении гостей также летнее кафе «Палуба», ночной бар. Если вы пришли на семейное или дружеское торжество, к вашим услугам трансформирующиеся в зависимости от количества гостей банкетные залы.

В ресторанах и его производственных цехах кондиционированный воздух. Кухня нового отеля сразу же получила признание и гостей и горожан. Здесь работают известные на Дону кулинары Р. А. Мнацаканов, Н. В. Виноградов, Л. В. Булаев, их ученик, молодой шеф-повар Вячеслав Аверкиев.

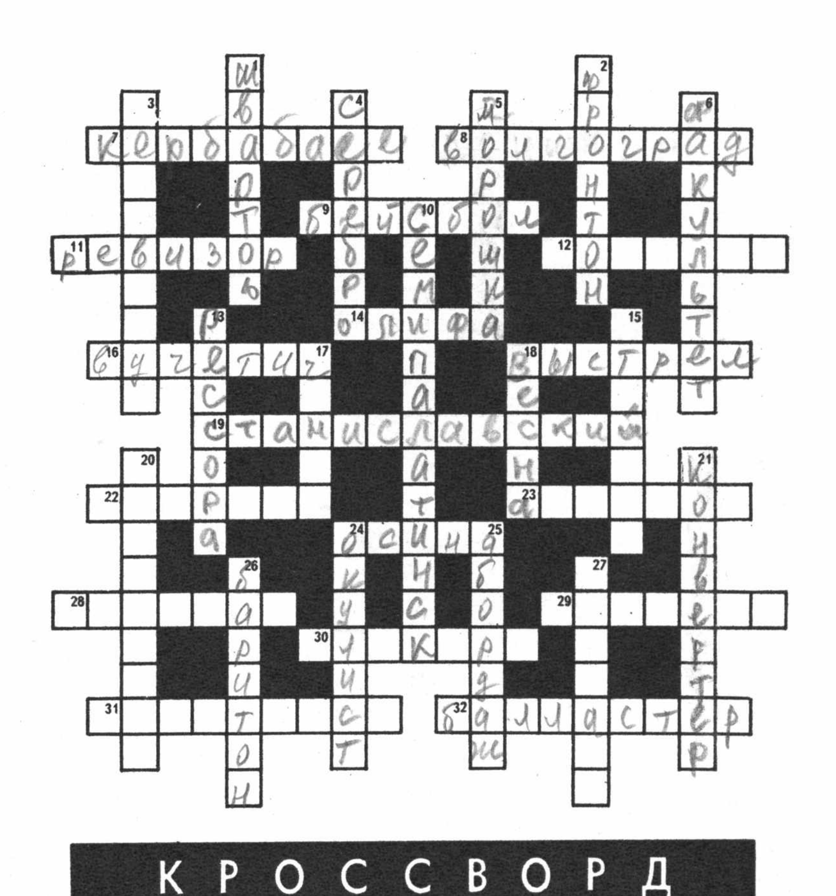
Ростовчанам особенно приятно, что авторы проекта гостиницы — их земляки: архитектор В. И. Симонович и Л. П. Пушкова, инженеры Б. Н. Сидельковский и Ю. Ю. Костенко.

Скульптурное оформление отеля и его интерьеров выполнено опытным московским скульптором Юрием Владимировичем Александровым. Создан оригинальный декор гостиницы, автор стремился комплексно осмыслить ее внутренний и наружный облик. Во внутреннем дворе привлекает внимание рельеф «Тихий Дон» — лирическая сцена из самобытной жизни донских казаков. Удачно решены ажурные железные порталы, бетонная солнцезащитная решетка, большой фонарь в вестибюле.

Рельеф «Тихий Дон» сочетается с небольшими водными бассейнами, в которых легкая волнистая зыбь как бы напоминает нам о былинной казачьей реке. Запоминаются перспективные порталы, недалеко от журчащей от ветра воды — два донских журавля...

Управляющий ростовским отделением «Интуриста» Анатолий Михайлович Гаевой показал нам многочисленные добрые отзывы о новом отеле. Вот один из них. Жительница Челябинска А. Сушинская и гостья из Перми П. Баталова совместно написали о своих впечатлениях: «Гордимся, что в нашей стране строят такие чудесные гостиницы. Чистота, внимание, забота. Чувствуем себя как дома. Дорогим донцам-ростовчанам наше душевное уральское спасибо!»

М. АНДРИАСОВ
Фото **Н. КОЗЛОВСКОГО.**

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Туркменский писатель. 8. Город-герой. 9. Спортивная игра. 11. Комедия Н. В. Гоголя. 12. Зодиакальное созвездие. 14. Смесь, применяемая для производства красок, лаков. 16. Советский скульптор, народный художник СССР. 18. Повесть А. С. Пушкина. 19. Режиссер, педагог, теоретик театра. 22. Духовой инструмент. 23. Автор картины «Прачки». 24. Лиственное дерево. 28. Река в Томской области. 29. Совокупность элементов языка. 30. Трагедия Еврипида. 31. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 32. Путевая машина.

По вертикали: 1. Корабельный трос. 2. Завершение фасада здания. 3. Польский скрипач и композитор. 4. Металл. 5. Северная ягода. 6. Часть высшего учебного заведения. 10. Областной центр в Казахстане. 13. Амортизатор. 15. Первый чемпион мира по шахматам. 17. Стихотворная форма. 18. Время года. 20. Декоративное растение. 21. Аппарат для получения стали. 24. Врач. 25. Старинный способ морского сражения. 26. Мужской голос. 27. Самый большой остров в Балтийском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 3. «Отверженные». 8. Шаляпин. 9. Цейтнот. 12. «Дикарка». 15. Сенегал. 17. «Манфред». 18. Иена. 19. «Декамерон». 20. Ашуг. 21. Лавр. 23. Калорифер. 24. Псел. 25. Квартал. 26. Афалина. 27. Суворов. 29. Борисов. 31. Картинг. 32. Университет.

По вертикали: 1. Еврипид. 2. Индейка. 4. Руан. 5. Елец. 6. Манагуа. 7. Коринка. 10. Предисловие. 11. Треугольник. 13. Калатозов. 14. «Репетитор». 16. Ледокол. 17. Менорка. 22. Ротатор. 24. Платина. 27. Сусанин. 28. Воркута. 30. Воже. 31. Кекс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстэном.

Фото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/XI — 74 г. А 00680. Подп. к печ. 10/XII — 74 г. Формат 70 × 108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2973. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 3051.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Легкий, стремительный прыжок заслуженного артиста УССР Валентина Ковтуна — одна из характерных особенностей виртуозного молодого премьера.

Ученицы хореографического училища в «Лебедином озере».

КИЕВСКИЙ

«Спящая красавица». Принцесса Флорина — заслуженная артистка УССР Татьяна Таякина.

БАЛЕТ СЕГОДНЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

«Раймонда». Народная артистка СССР Валентина Калиновская и народный артист УССР Веанир Круглов.

Яркое созвездие исполнительских индивидуальностей, оригинальные, содержательные спектакли — таков киевский балет сегодня.

Искусство балетного коллектива Украинского театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко широко известно и за пределами нашей страны. В этом году он был удостоен в Париже приза Дягилева — высшей международной награды для хореографических ансамблей.

Труппа формируется под большим влиянием самобытного творчества выдающихся киевских балерин — Валентины Калиновской и Елены Потаповой. Сегодня они передают свое мастерство молодым солисткам.

Интересно, что образы, созданные ими, всегда несхожи: танец В. Калиновской экспрессивен и величав, ему свойственна эпическая широта и эмоциональная открытость, тогда как танец Е. Потаповой скульптурно выразителен, графически четок, безукоризненно отшлифован; в исполнении артистки преобладают динамичность, неиссякаемая энергия и оптимизм.

Ныне рядом с Валентиной Калиновской и Еленой Потаповой на киевской сцене расцветает редкостный лирический талант Аллы Гавриленко. И вновь удивляет своеобразие, неповторимость напевного, свободно льющегося танца: он отличается кантиленностью, нежной грациозностью. В этой вдохновенной пластике словно бы звучат задушевные интонации украинских народных девичьих плясок и хороводов. Особенно хороша Гавриленко в партиях поэтичной лесной мавки, романтичной шевченковской Лилеи, значительна и новая ее работа — шекспировская Джульетта в оригинальной постановке прокофьевского балета.

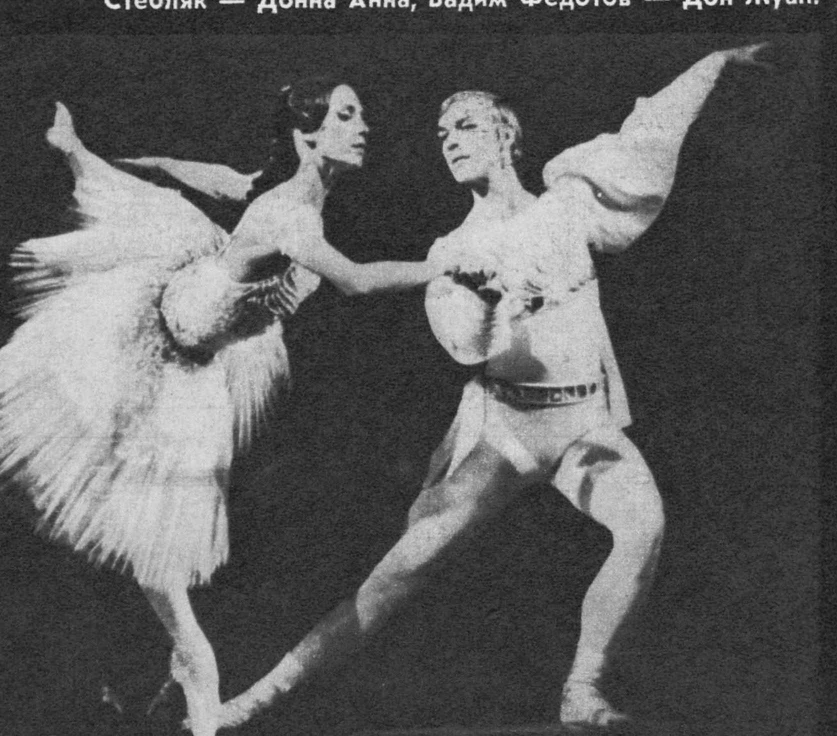
Среди ведущих артистов труппы славятся и такие зрелые мастера, как Э. Стебляк, Н. Руденко, А. Лагода; заметны и совсем юные солистки Т. Таякина, Л. Сморгачева...

Интересно развивается искусство мужского классического танца. Наряду с опытными солистами — В. Кругловым, В. Ковтуном — успешно дебютируют в сложнейших сольных партиях С. Лукин, Е. Киреев, Н. Прядченко.

Киевскому коллективу творчески повезло и в том, что здесь работают талантливые люди: и опытный хореограф, воспитанник московского ГИТИСа заслуженный деятель искусств УССР Анатолий Шекера, а также недавний выпускник Ленинградской консерватории молодой самобытный балетмейстер Генрих Майоров. Их спектакли — всегда многоплановые, яркие хореографические полотна. Оба художника тонко чувствуют современность, мыслят оригинальными танцевальными образами, стремятся передать в балете красоту и силу человеческих чувств.

Ю. СТАНИШЕВСКИЙ

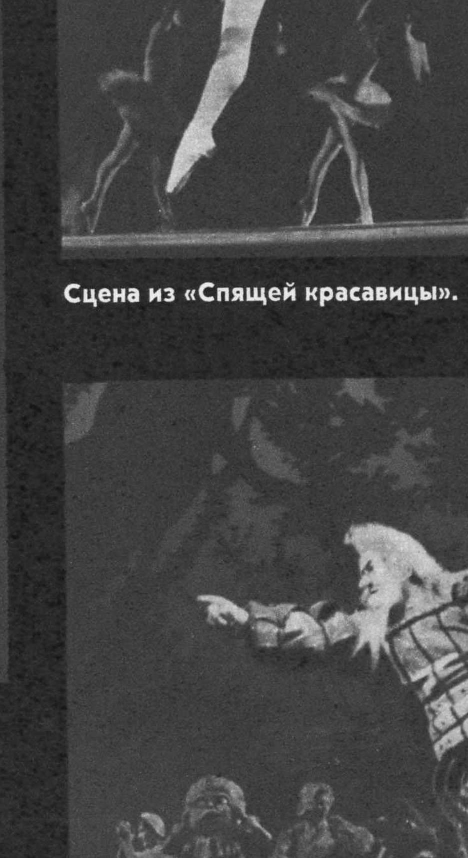
«Дон Жуан». Заслуженная артистка УССР Элеонора Стебляк — Донна Анна, Вадим Федотов — Дон Жуан.

«Лесная песня». Мавка — народная артистка УССР Алла Гавриленко.

Сцена из «Спящей красавицы».

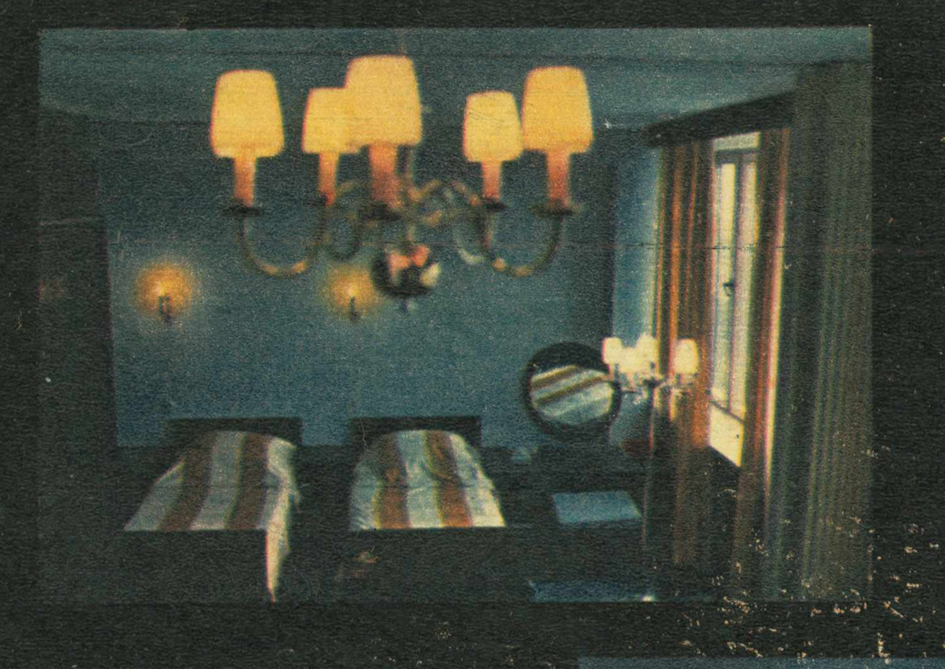
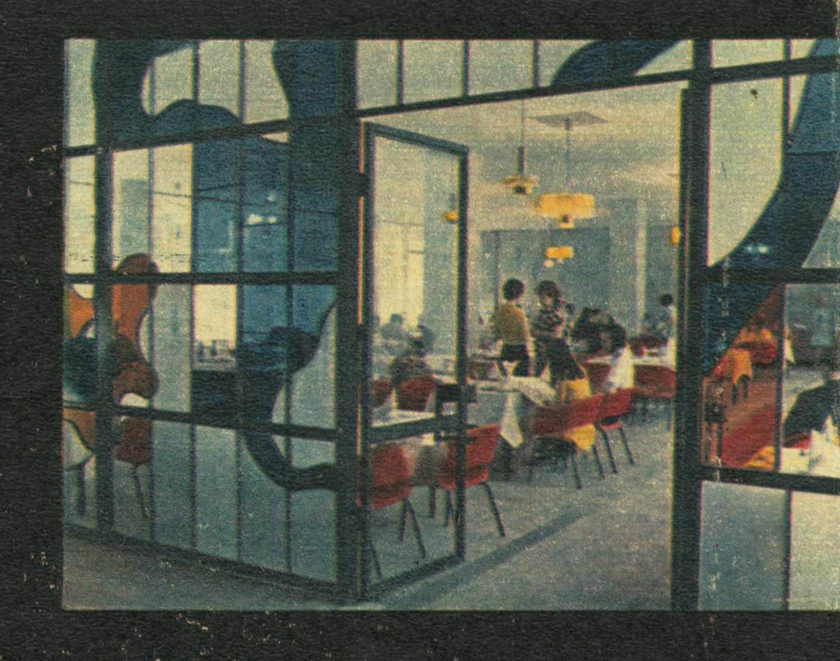
«Кот в сапогах».

Народная артистка СССР Елена Потапова с дочкой Аллочкой.

Заслуженная артистка УССР Алла Кальченко.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

